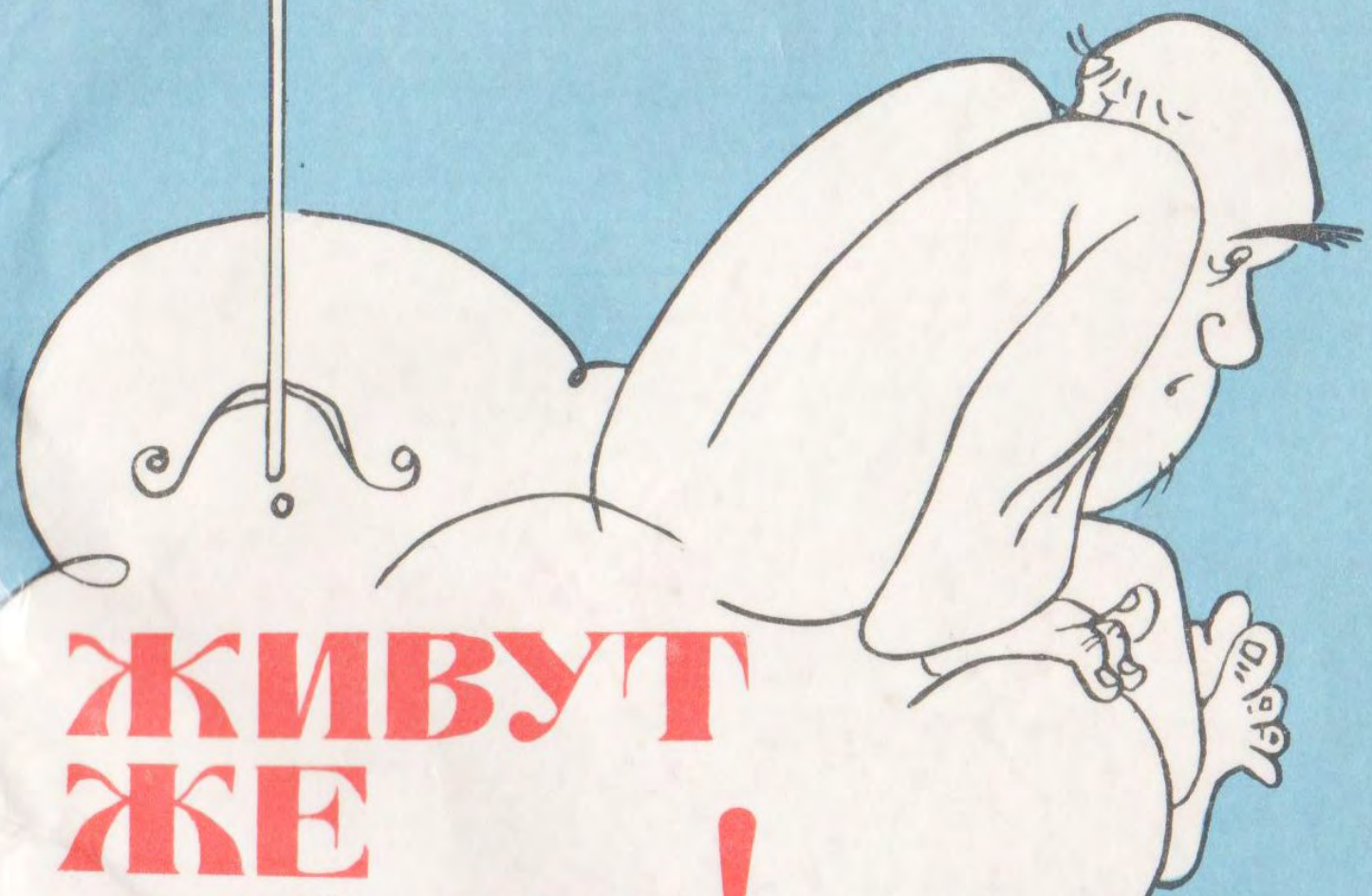
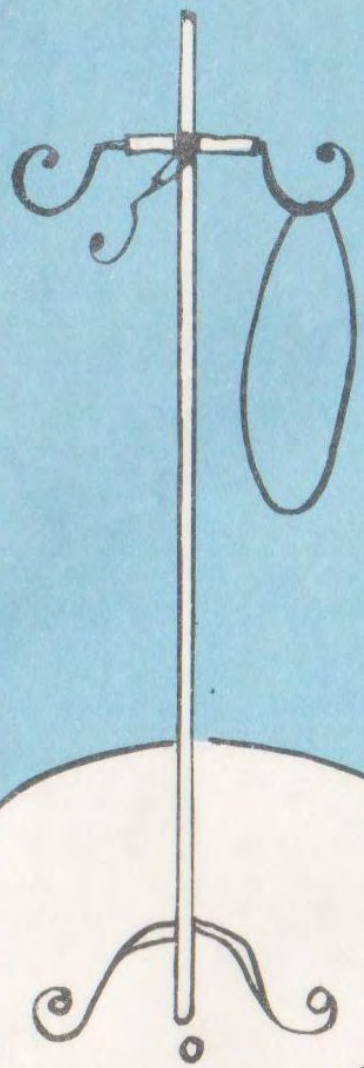

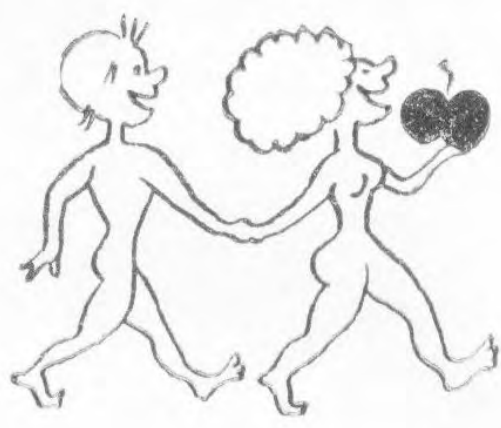
0066

**ЖИВУТ
ЖЕ
ЛЮДИ!**

P2
ЖС 66

ЖИВУТ ЖЕ ЛЮДИ!

*Сатирические
и юмористические
рассказы,
миниатюры,
фельетоны,
бывальщины*

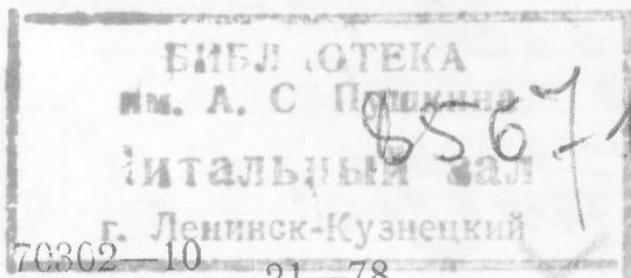
Кемеровское книжное издательство
1978

Ж 66

P2

Составитель Б. С. АНТОНОВ

Художник Б. В. Тржемецкий

Ж $\frac{70302-10}{M145(03)-78}$ 21-78

© Кемеровское книжное издательство, 1978

Состав, предисловие, оформление

Минутку внимания!

Перед нами сборник сатирических и юмористических произведений. Почти все его авторы молоды. Не все они сибиряки по рождению, но многие из них впервые пробуют свои силы в этом жанре именно здесь, на сибирской земле.

Склонность к веселому и острому слову чаще всего свойственна молодым людям. Совсем недавно мне представилась счастливая возможность познакомиться в городах Сибири с необычайно активной, молодой по духу читательской аудиторией, любящей и прекрасно понимающей смешное.

Признаюсь — меня это несколько не удивило. Наличие чувства юмора — верный признак душевного здоровья народа.

Сборник читается с интересом. Мне кажется, он хорошо и точно назван — «Живут же люди!». В этой формуле достаточно ясно выражено критическое отношение авторов к своим персонажам. Меня обрадовало разнообразие тем, современность и узнаваемость действующих лиц, героев подлинных и мнимых. У значительного числа авторов сборника «Живут же люди!» нет еще своих книжек этого плана. На мой взгляд, заслуживает полной под-

держки само их обращение к боевому жанру нашей советской литературы.

Писать смешно дело трудное. Плачут люди по сходным причинам, а смеются по разным.

Я от души приветствую осуществленное желание молодых писателей внести свою лепту в общее и очень важное дело создания боевой сатирической литературы, помогающей советскому обществу бороться с теми, кто пытается помешать нашему неуклонному движению вперед. Хочется еще раз напомнить замечательные слова Карла Маркса. «Человечество, смеясь, расстаётся со своим прошлым».

Желаю успеха сборнику и его авторам.

Возис Раскин

Борис Антонов

Аналитик

Окно моего кабинета выходит на проспект. Смотреть в него — одно удовольствие.

Вот троллейбус прошелестел. «Волга» на повороте взвизгнула. «Москвичок» за угол юркнул. «Жигули» прошмыгнули... А народ-то! Народ! Кто как. Кто куда. Кто в чем

Один в пестрой куртке. Другой в шляпе. Третья в джинсах цвета загазованного неба. Четвертая в том, что от юбочки после пятой стирки осталось. Пятая... нет, та, что в джинсах, — ничего себе! Блондинистая, с оранжевым отливом над ушами. А вон еще одна в джинсах строчит. Ну, с ее-то фигурой да десятилетиями за плечами «луи» совсем ни к чему. Во, в магазин свернула. Поди, в рабочее время?

В конторе меня считают человеком наблюдательным, способным аналитически мыслить и мгновенно выдавать обобщенные выводы.

К примеру, обезлюдил проспект Обезмашинел. Значит делаю я вывод, чинить дорогу будут. Теперь посмотрим, сколько недель транспортная чехарда продлится.

Ну вот так и есть! Дорожники нарисовались. Пришли, бросили лопаты на асфальт и ушли.

Назавтра другие возникли. Сильные, ловкие, наполовину бородатые. Вдарили они ломом, дрыгнули отбойным молотком, на бордюры присели, в небо дым пустили. Потом снова вдарили, снова дрыгнули, снова небо покоптили. К концу дня на дороге две колдобины, три выбоины и куча окурков лежала. Смехота! С такой производительностью до зимы по кочкам скакать будем.

А вон еще один образец кипучей деятельности! Дом напротив ремонтируют. Полмесяца кистями по вертикали машут, а когда по горизонтали начнут строгий секрет! Смекаю — худо там с НОТом.

То ли дело у нас!

Расчеты по ремонту дороги и дома я неделю назад закончил. Досрочно! Вот вам проект, вот смета, вот личные соображения по ускорению работ, а вот — по улучшению качества. Все честь по чести. Денька три посижу и — к начальству. Что? Почему не сейчас? Извините — простите! Я отнесу, а начальство мне еще работенки подкинет. Вывод. ни к чему это, иначе для наблюдений и анализа времени не останется.

А та-то... в брючках... ничего себе! Очки из сумочки вынула. Темные.

Смекаю: солнышко в зенит уперлось. Пора и на обед.

Звоните 03

Лобастый сутуловатый мужчина средних лет одернул пиджак, поправил дужки очков за оттопыренными ушами, неумело улыбнулся секретарше, стукнул два раза костяшками согнутых пальцев в обитую рыжим дерматином дверь и, не услышав оттуда ни звука, робко вступил в кабинет начальника.

Сизокрылов? спросил вошедшего Мухобоев.

— Сизокрылов.

— Петр Палыч?

Павел Петрович, — уточнил Сизокрылов.

Ваш проект? — взмахнул папкой Мухобоев.

— Мой, — чуть слышно ответил Сизокрылов.

— Проходи, Сизокрылов. Говорить будем, Пал Петрович. Садись!

— Я постою.

— Садись, садись, — Мухобоев выбросил вперед руки, приглашая Сизокрылова в кресло. — Привыкли у порога топтаться. Ну, что дрожишь? Мухобоева боишься? Вижу, боишься. — Мухобоев потер пухлыми ладошками. — Правильно делаешь. Мухобоева надо бояться! А почему? Потому что Мухобоев — человек категорически принципиальный, к компромиссам не склонный. Говорит, как думает. Напрямки. Ото всей души и горячего сердца. А почему? Потому что с Мухобоевым тоже категорически не церемонятся. За работу будь-будь спрашивают! Там... — Мухобоев многозначительно приподнял палец и закатил глаза... — там... у-у-у! Было бы сердце послабее давно бы с копылков... Как миленький! Но я категорически не такой! Меня голыми руками не возьмешь! Я бит и колочен...

— Понимаю, — вымолвил Сизокрылов. — Готов нести ответственность. — Он сложил руки на груди и печально опустил глаза.

Какую ответственность? Мухобоев выскочил из-за стола, пробежался по кабинету и остановился под люстрой.— Ваш проект... проект...

— Не стесняйтесь в выражениях,— дернул щекой Сизокрылов.— Выдержу

К черту выдержку! У вас категорический порядок!

— Знаем мы ваши порядочки. После них премии недосчитываешься

Ну, это вы зря, дорогуша.— Мухобоев незаметно для себя перешел на «вы».— Вашу работу в главк отравили.

Смеетесь?

Какой смех? Я тут приказ заготовил...

Так бы и сказали.— Сизокрылов проглотил тугой комок.— Просто выговор или строгий?

— Хе-хе...

Не тяните... Сердце...

Не беспокойтесь, милейший. Я для вашего сердца категорический бальзамчик приготовил... Вот приказ... с благодарностью...

— Ой! — Сизокрылов, схватившись за сердце, медленно опустился на пол.

Мухобоев выронил листок из рук.

— Петр Палыч... э-э-э... Пал Петрыч! Дорогуша! Что с вами? Эй, кто там? Вызывайте «скорую»! Звоните 03! ...Уф, до чего же хлипкий народ пошел доброго слова не скажи!.. Кой черт там трезвонит? Кому Мухобоев понадобился?.. Вера Васильевна, Пирожков, Варварин, поддержите его!.. Слушаю!!! Ах, это вы, Андрей Спиридоныч? Приятное известие? Для меня?.. Не трясите вы его, не трясите... Это я не вам... Слушаю... Весь внимание. Категорическое... Что? Благодарность? Мухобоеву вдруг сделалось дурно, он сорвал галстук и тяжело опустился в кресло.— За что, Андрей Спиридоныч? Я ведь ничего такого не сделал... Объявите выго-

вор, поставьте на вид, премию дайте, наконец, но благодарность — это уж слишком! Не заслужил... Заслужил? С занесением в трудовую книжку? Ой! — Мухобоев опустил трубку и растерянно посмотрел на суетящихся в кабинете сослуживцев и людей в белых халатах. — Куда вы Сизокрылова?.. В кардиологию?.. Я — с ним. Рядышком. На одних носилочках... Ух, доконали-таки... Категорически!

Слово — олово

Пиво привезли! эта весть ударной волной сорвала дюжих мужчин с рабочих мест, прибив их к крутобокой цистерне, опоясанной надписью «Пейте квас!».

— Кто последний — я за вами? За мной еще трое! бойко выкрикнул Иванов, становясь в очередь.

Последним прибежал Перекатибочкин, обладатель зычного голоса и мощного заливка.

— Вы что — всей бригадой? — мотнул он головой.

Мы завсегда так! — с вызовом ответил Иванов.

Как один, так и все! — добавил Петров.

Как все, так и каждый! — добавил еще Сидоров.

— Живут же люди! — завистливо пробасил Перекатибочкин. — А я один за всех отдуваюсь. Не везет с корешами. Уж больно совестливые. «Неудо-о-о-обно», — говорят

— Пиво — делу не помеха! — резюмировал Иванов.

— Пиво — мощный стимул повышения производительности! поддержал Петров, а Сидоров уточнил

Толкуют, за границей его как спецпитание дают. Вместо молока.

— Живут же люди! — потрянул гривой Перекатибочкин.

— Эх, братцы! — вздохнул молчавший до сих пор Егоров. — Неудобно как-то. Рабочее время...

Очередь смущенно закашляла.

Ну вот! — откинул голову Перекатибочкин. — И тут интеллигентские штучки! Работа не пиво всегда найдется.

Мы слово дали до обеда ни-ни — пояснил Егоров, образовывая брешь в очереди.

Иванов, Петров и Сидоров, грустно вздохнув, с тоской посмотрели на кран, из которого упругой струей хлестала живительная влага.

— Что слово? — попытался остановить дружков Перекатибочкин. — Слово, что пена в кружке: фу и нету!

— Может, в самом деле... — начал Иванов.

— Жарко же... — поддержал Петров.

А после обеда ни-ни, — добавил Сидоров.

Егоров предательски промолчал.

Ну вот и лады! — обрадовался Перекатибочкин и подтолкнул низкорослого мужчину. — Пошевеливайся. Не за нарядом стоишь... А ты, борода, чего пустую кружку целуешь? На вторую денег нет? Работать надо! Работа, она облагораживает человека... Ну, слава богу... До крана добрался... Мне на всю братию, чернявая... Без воды... Для начала по кружечке... Кореша у меня совестливые... работающие...

Перекатибочкин обернулся с кружкой в руках и застыл с открытым ртом.

— Э-э-э, да у них тоже нервы ни к черту!.. «Неудо-о-о-обно»... «сло-о-о-ово!»... Тьфу!.. Ну и вкалывайте!

— Рыба! — Иванов с ожесточением колотнул костяшкой по дощатому столу.

Петров, Сидоров и Егоров стали торопливо подсчитывать очки. До обеденного перерыва хотелось забить еще одного «козла», чтобы потом с чистой совестью податься за пивом.

Дверь

По коридору идут двое: Серафим Власыч, мужчина с манерами руководителя мелкокустарного предприятия, и Родион Поликарпыч, постоянный заместитель часто меняющихся начальников.

— Что за пятно? — останавливается Серафим Власыч у светло-бурого четырехугольника на стене.

Проем. Проще — дверь, — с готовностью отвечает Родион Поликарпыч, заглядывая в глаза Серафима Власыча. — От Геннадия Трифоныча осталась. Старая, которая при Николае Николаиче была, ему не нравилась. Сквозняки докучали. Геннадий Трифоныч велел здесь вход прорубить.

— А это?

— По Юлиану Романычу память. Вот человек! Прежде чем зайти в кабинет, поименно всех поприветствует. Для удобства просил новую дверь организовать. В конце коридора. Душевный руководитель был.

— А это?

— А здесь Дмитрий Степаныч распорядился. Не любил заигрывать с подчиненными. Велел Юлиан-Романычеву дверь заделать и новую продолбить в другом конце коридора, как раз против кабинета. Никто не знал, там он или нет. Тихо придет, еще тише уйдет. Организатор!

Еще два шага по коридору

Что за люди? — кивает Серафим Власыч на группу мужчин и женщин с мастерками, шлямбурами, кирками и лопатами.

По вызову пришли. Дверь пробивать. Где прикажете?

Серафим Власыч глубокомысленно задумывается.

— Я подумаю... А пока вот эту уберите, чтоб и следов не осталось.

Будет сделано! — заверил зам, провожая Серафима Власыча в кабинет преданным взглядом.

В шесть ноль-ноль из окон двухэтажного дома горохом посыпались люди. Другого выхода у них не было.

Последним покинул контору Серафим Власыч. Тоже через окно.

Рацпредложение

Сводка переполнилась показателями прогулов. Премияльные фонды дали трещину

— Возмутительно! — выдохнул Геннадий Матвеич Доброхотов, отшвыривая бумаги на середину стола. — С ними по-доброму, а они каждый месяц по свинье подкладывают! Он еще раз глянул в сводку. — Во! Четыре прогула за одну неделю! Ну, Васюткин!

Геннадий Матвеич сдвинул брови, крякнул и, ткнув в перламутровую кнопку, с вызовом бросил

— Васюткина ко мне!

— Он здесь, — дамским голоском ответил ребристый ящичек — техническое чудо управления.

Доброхотов растерялся

— Он что — сам пришел?

— Сам, — подтвердил ящичек.

— Вы его ни с кем не спутали, Генриетта Прохорова?

— Геннадий Матвеич! — капризно возмутился голос. — Двадцать восемь лет...

— ...Мы работаем вместе, — вежливо подхватил Доброхотов. — За это время вы ни разу не ошиблись. Извините, Генриетта Прохорова, но такой разгильдяй и...

— Обижаешь, начальник. Я не разгильдяй...

В проеме дверей покачивался человек неопределен

ного возраста, всклокоченный, помятый, с водянистыми глазами и лиловато-сизым носом.

— Я не разгильдяй,— тяжело повторил Васюткин.— Я сам при-и-и-шел...

— Та-а-а-ак...— поднимаясь с кресла, грозно протянул Геннадий Матвееч.— Значит, сам? Грешки душу заскребли?

— Обижаешь, начальник Я без грехов.— Васюткин оттолкнулся от косяка и по стенке пробрался к стулу.— Без грехов

— Ишь, ангелочек! Доброхотов пронзил Васютина колючим взглядом.— Крылышков только нет а так вид что надо! Смотреть тошно!

— Обижаешь, начальник. У меня всю жизнь один вид. Натуральный. В другом не видывали.

— Согласен, трезвым тебя не увидишь.

— Обижаешь, начальник.— Васюткин сделал губы трубочкой и брякнулся на стул.— Обижа-а-аешь!

Какие обиды! В таком виде и в цех? Позор!

— Во встрепенулся Васюткин.— Я не хотел, а мастер Иди,— грит.— Из-за тебя,— грит,— паразита это он на меня так... на руки мои рабочие... Из-за тебя,— грит,— тунеядец и прощелыга... Какие слова, товарищ директор ..

— Точные слова поддержал авторитет мастера Доброхотов.— Где он?

В цеху... За станком...

А начальник цеха?

Где же еще! За станком...

У них что других дел нет?

Е-е-есть...— Васюткин зашевелился.— Мы, значь, втроем были... Потом я один остался. Петька, слабак, под забор свалился. Леха на широкую дорогу вышел и прямо в синенькую машину угодил С желтой полоской, а я...

Ясно. Мастер за Петькиным станком, начальник цеха — за Лешкиным, а твой — без дела стоит?

— Без дела... — согласно закивал Васюткин. — Это ж надо! Вздумал домой пойти и не смог Совесть... заела.

— Ох, Васюткин Ох, тунеядец!

Обижаешь, начальник.. — хмыкнул Васюткин. — Я за производство душой болею... Я вот с идеей пришел... Рацпредложение принес.

— Ишь, Кулибин, — скривил губы Доброхотов... Ну, выкладывай свое предложение. Авось внедрим

Васюткин приподнял тяжелый подбородок, вытер ладонью рот и выпалил

— Встаньте за станок, товарищ директор. Не простаивать же технике...

Густые брови Геннадия Матвеевича взмыли вверх, глаза гневно сверкнули, рука сжала телефонный аппарат Васюткин от страха втянул голову в плечи, прикрыл лицо руками. Но телефон не полетел через кабинет и гром не грянул. Уловив во взоре Васюткина тоску и страдание, Доброхотов обмяк и устало сказал

— Ну, Васюткин!.. Кулибину до тебя далеко!

Тот невнятно бормотнул и опустил голову Доброхотов на цыпочках вышел из кабинета.

— Позвонят из главка меня нет, — бросил он секретарше. — Проснется тот тип подайте ему чаю. Хотел я с него стружку снять, так ведь лежащих не бьют...

Доброхотов простоял за токарным станком весь день. Рядом снимали стружку мастер и начальник цеха.

Эволюция

1

— Нонуля, приветик! Это я — Оленька! С малюсенькой просьбочкой.

Нонуля, я ситчику купила. На твой смахивает Только цветочки поярче. Нонуля, лапонька, давай разменяем. Твои цветочки больше подходят к моим голубым глазам, а мои к твоим зеленым. Что, у тебя уже не зеленые? Ах, прости, Нонуленька, я перепутала. Зеленые у Ритуськи, а у тебя бирюзовые. К ним как раз мои цветочки подойдут Договорились? Я знала, что мы пойдем друг друга.

2

Нуля, привет! Это я Оля! Нуля, лапа, у тебя потрясные клипсы. Только, поверь мне, они мелковаты для твоих ушей. Делаем так: я отдаю тебе свои, ты мне свои. Что? Подарок? Причем тут подарок? Главное вкус! Согласна? Чао!

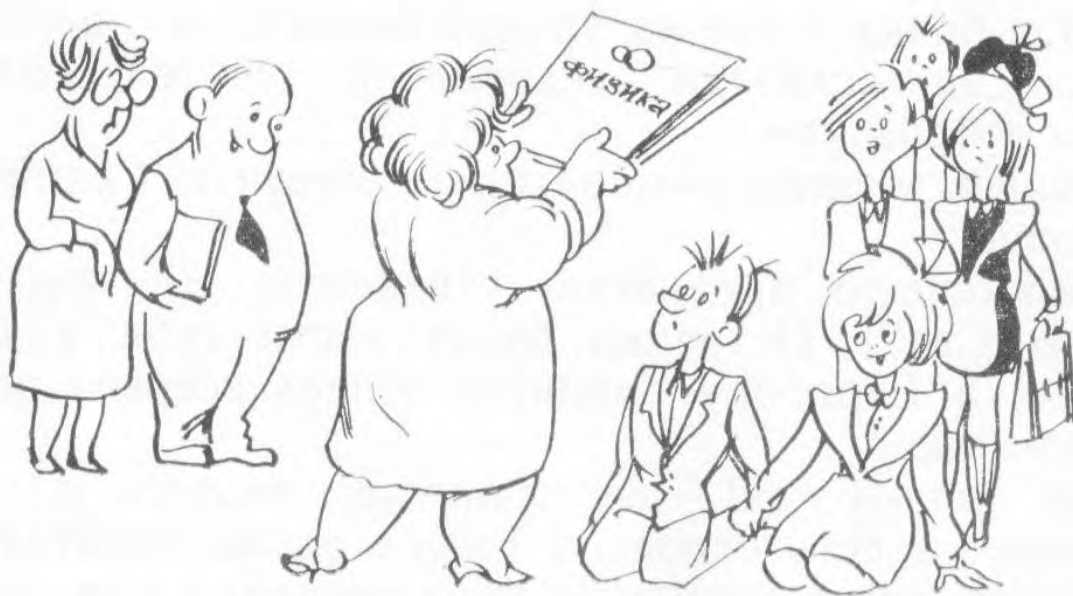
3

Нонна, наше вам Это я — Ольга! Чем увлечена? Книгами? Чудесненько! Я тоже с книгами. Представить страшно, сколько угроблено сил, энергии, времени и денег на тряпки, полировку и побрякушки Другое дело книги! Им же цены нет! Кстати, что у тебя? Пушкин? Академическое издание, десять томов? Прости, а разве он академик? Говорят, был? А я и не знала. У меня тоже десять томов, но он тогда еще не был

академиком .. А Гёте? Е-е-есть? Нолюсенька, лапонька, давай баш на баш. Ты мне Гёте, я тебе Драйзера. Федор давно наскучил мне. Никакого вида в квартире. Другое дело Иоганн. Чистое золото! Как раз к дверным ручкам подходит Где взяла? Ну, об этом по телефону не говорят При встрече шепну

Значит, меняемся? Ну, спасибо, Нолюся! Интеллигентные люди с одного звонка друг друга секут!

46958
Арнольд Бродский

К вопросу об акселерации

Наметились следующие парочки,— доложила на педсовете классный руководитель 8-го «В» Галина Валентиновна.— Первая Света Петренко и Костя Столбов.

— У Столбова с квадратными уравнениями нелады,— проворчал математик.

Не знаю...— подала голос историчка.— Английскую буржуазную революцию он отвечал мне назубок.

— Да, он симпатичный мальчик,— выразила свое отношение к Столбову молоденькая англичанка.

— Попрошу не отвлекаться от сути вопроса,— посмотрела в ее сторону завуч.

— В спринте Света тянет на третий разряд,— сдержанно заметил физрук.

— Улыбочка у нее на уроках бывает... а... несколько вызывающая,— сказала седовласая учительница по языку и литературе.

— Ваше мнение? обратилась завуч к Галине Валентиновне.

Вообще-то предлагаю утвердить. Но при условии, что Света Петренко будет вести себя в школе скромнее, а Столбову придется теперь всерьез заняться математикой...

— И только так! воскликнула завуч.— В этом, собственно, и есть основной смысл экспериментального применения нами методики не пресечения или ограничения, как в былые времена, а способствования пробуждению первого чувства с целью использования этого важного фактора в жизни нынешних подростков для повышения их успеваемости и укрепления дисциплины.

Все с пониманием и одобрением закивали головами, лишь седовласая учительница по языку и литературе скептически поджала губы.

— Петренко и Столбова утверждаем,— подвела черту завуч.— На следующем педсовете доложите, Галина Валентиновна, о полученных результатах. Какие еще кандидатуры?

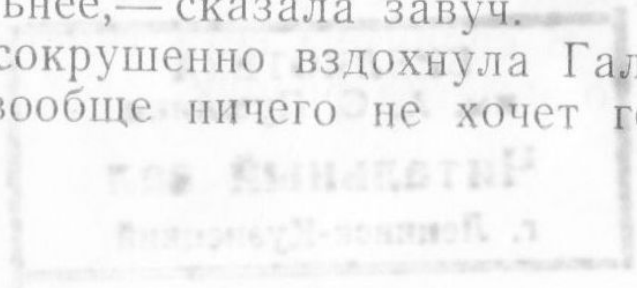
Когда следующая парочка из 8-го «В» была утверждена, а принятие окончательного решения по третьей отложили до выяснения некоторых обстоятельств, слово снова попросила классный руководитель.

— Вот еще что у меня,— сказала она.— Парочка Кира Голубева и Володя Касьянов, которую мы утвердили ранее, распалась.

Почему? удивилась англичанка.— Они оба такие миленькие, особенно Голубева...

Попрошу обстоятельнее,— сказала завуч.

Ничего не знаю,— сокрушенно вздохнула Галина Валентиновна.— Володя вообще ничего не хочет гово-

рить, а она только называет его дураком и пытается плакать. Так я толком ничего и не добилась.

— Голубева исправила двойку по алгебре,— все так же хмуро сказал математик.

— А Касьянов, между прочим, уже почти не балуется на уроках,— заметила учительница физики.

Вот видите,— торжествуя, но осторожно тряхнула головой завуч в модном парике.— Все-таки, что ни говорите, любовь у нынешних пятнадцатилетних хоть еще и незрелое чувство, но если умело направлено...

Акселераты! глубокомысленно изрек физрук.

Виктор Гюнтер

Назидательные новеллы

Взаимопонимание

В 12 часов 34 минуты местного времени в столовую «Восторг» вошел старый бухгалтер Платон Прохорыч Тихомеров, присел за столик, вытащил из портфеля четыре пухлых скоросшивателя и только-только собрался было приступить к составлению отчета за истекший финансовый год, как вдруг услышал за своим плечом приятный девичий голосок.

— Добрый день. Что будете кушать?

Бухгалтер вздрогнул и поднял голову. Рядом с ним, мило улыбаясь, стояла очаровательная девушка в кружевном передничке.

— Это вы... мне?

— Конечно. Так что ж вы будете кушать?

«Издевается, чертовка! Ну, я же тебя!»

— Кушать что буду? — переспросил ехидно Тихомеров. — Салат из свежих помидоров! Солянку сборную! И эти... Пельмени в горшочке...

— Так, салат — один, солянка — одна... пельмени... А на сладкое что закажете?

Бухгалтер опешил

Слушайте... Может, вы думаете, что я из народного контроля? Или из министерства? Так вы, голубушка, ошиблись. Я самый заурядный бухгалтер!

Ну и что же?

— Бухгалтер я! Сижу на окладе, взятки не беру, так что, если вы на чаевые рассчитываете...

Вы меня обижаете! — покраснела девушка. — Никаких чаевых мне не нужно.

А-а, понимаю! У вас вчера был банкет для иностранных туристов, после банкета кое-что осталось, и, малость того... припахивать начало, ага?

— Ничего подобного! У нас все свежее... Послушайте, гражданин, будете вы заказывать или нет?

Подождите! У вас что, неделя отличного обслуживания?

Да нет же!..

— Понял! Старого заведующего за развал работы сняли?!

Нет!!

Нового повара назначили?!

— Не-ет!!!

Слушайте! прохрипел доведенный до отчаянья бухгалтер. — Слушайте, девушка... может, вы в меня... влюбились, а? Так у меня жена, язва и трое де...

Он не договорил.

Рядом что-то грохнуло, зазвенело...

Платон Прохорыч испуганно зажал уши. А когда он отнял ладони...

— ...аразит лысый! Будешь ты заказывать или нет?! Ходят всякие! Изгаляются! Вас много, а я одна ..

Бухгалтер с облегчением улыбнулся.

Все стало на свои места.

Он привычно обозвал официантку сатаной в юбке и заказал гурьевскую кашу и биточки по-кемеровски, от которых у него всегда потом бывала нестерпимая изжога...

М о р а л ь. берите обеды на дом со скидкой в 5%!

Доверчивость

У расчетчика И. И. Петелькина на работе разболелся зуб. Коллега А. А. Подлещик посоветовал «Прими на зуб грамм пятьдесят и поддержи. Лучшее домашнее средство...»

В обеденный перерыв И. И. Петелькин зашел в столовую ресторанного типа. Принял на зуб. Подержал. Выплюнул. Вернулся в контору. Зуб продолжал болеть. Бухгалтер П. А. Нюнин, профгруппорг, принюхался, произнес. «Тэ-эк», — и чиркнул что-то в блокноте...

После работы состоялось собрание профгруппы. О трудовой дисциплине. Бухгалтер Нюнин, в частности, сказал «В качестве отрицательного примера можно привести товарища Петелькина. Сегодня после обеда от него пахло...» Присутствовавший на собрании тов. О. И. Тпрунов из месткома сказал «Эге!» и что-то записал в блокноте.

Через три дня состоялось профсоюзное собрание. Тов. О. И. Тпрунов, в частности, сказал «В конторе участились случаи пьянства. Так, гражданин Петелькин пьет прямо на рабочем месте...»

Присутствовавший на собрании председатель городского совета профсоюзов С. Б. Борбарыкин схватился за блокнот...

В конце месяца состоялась городская профконференция. Товарищ С. Б. Борбарыкин, в частности, сказал «Пора, товарищи, ударить по профессиональным алкоголикам Петелькиным...» Присутствовавший на конференции расчетчик встал и тихо выбрался из зала...

Через час его вынесли из ресторана два милиционера.

М о р а л ь. повторение   мать учения.

Предвиденье

У Попова Коли была собака. Он ее любил. Это было безобиднейшее существо по кличке Жулик с улыбочивой мордой и кривыми кавалерийскими лапами. С утра до вечера Жулик шастал по коммунальному коридору, путался под ногами, тьявкал на мокрые зонтики, жевал калоши, и всем жильцам все это очень нравилось.

Так было, пока не перебрался к сыну дед Пахомыч, и в его комнату не въехал один такой Смирдяев. Вечером въехал. В 10 часов. Он задумчиво посмотрел на Жулика, обнюхивающего угол его чемодана, вздохнул и заперся у себя в комнате. А утром, очень деликатно, согнутым указательным пальцем постучал в Колину дверь и тихо, но настойчиво потребовал, чтоб с этого дня Коля держал Жулика только в своей комнате, не позволяя ему выходить в коридор и тем самым «не подвергая опасности жизнь советских людей».

— Так он же ласковый!   удивился Коля.

— Да. Возможно. Но я-то знаю сегодня ласковый, а завтра...

На следующий день Смирдяев снова постучал к Коле, тихо, но настойчиво потребовал, чтобы Коля немедленно же надел на Жулика намордник.

— Он же не кусается! — взвыл Коля.

— Возможно. Но я-то знаю. сегодня не кусается, а завтра...

Через неделю тихий, но настойчивый Смирдяев потребовал, чтобы Жулика посадили на цепь...

— Но он же в комнате! — простонал Коля. — Он же в наморднике! Он же ничего...

Возможно. Но я-то знаю: сегодня он ничего. А завтра...

А завтра, когда Смирдяев просунулся в Колину комнату и предложил, чтобы «этому псу» немедленно сделали прививку против бешенства, Жулик рывкнул, сорвался с цепи и, несмотря на намордник, растерзал на гр. Смирдяеве полосатые пижамные штаны.

— Вот Вот видите? Я же говорил, — как-то очень грустно сказал потерпевший, быстро натянул поверх пижамы пальто и потрусил в ближайший народный суд, чтобы сдать заранее подготовленное заявление.

Он-то знал, что случится! Он-то знал ..

Мораль. собака — друг человека, но не все люди — друзья собак.

Скрытые возможности

Сто-ой...

Когда человеку поздним вечером в глухом переулке кричат «стой», он делает как раз обратное — то есть бежит

Со всех ног

Сломаю голову

Не разбирая дороги.

И Федор Петрович Кургузиков побежал

Он пробежал Весеннюю и Осеннюю, промчался по бульвару им Семы Иванова и по улице им Светы Петровой, пронесся по Набережной, пролетел по...

Сто-ой!..

И тут Федор Петрович уперся в тупик.

Бежать дальше было некуда.

Федор Петрович замер.

У Федора Петровича упало сердце и со звоном покатилося куда-то по выщербленному асфальту

Тяжело дыша, к нему подошел преследователь.

Сымай пиджак!

Федор Петрович снял.

А вы бы что, не сняли?.. То-то!

Ночной тать критически оглядел щуплую фигуру Федора Петровича, зачем-то припал ухом к его груди и удовлетворенно хмыкнул.

Одевайсь!.. Ну, что же, бегучесть у тебя — будь спок, и мотор работает — будь спок. Все! Будешь завтра, товарищ Кургузиков, в кроссе участвовать от СМУ от нашего. Сбор ровно в восемь! Физкульт!

Федор Петрович обалдело кивнул и поплелся разыскивать свои минус два с половиной, посеянные где-то на трассе предстоящего кросса...

Мораль от судьбы не уйдешь.

Непонимание

Та-ак,— удовлетворенно потер руки профессор Богохульский, оглядывая доску, изрисованную интегралами, дифференциалами и радикалами. Та-ак, юноша,

я вижу вы вполне... А теперь... хе-хе... а теперь, скажи те-ка мне, сколько будет... дважды два, э?..

Председатель студенческого научного общества, стипендиат, лауреат и дипломант физико-математического факультета Буся Газгольдер понимающе усмехнулся «Подлавливает старик... Темнит... Лукавит...»

Понимаю ваш тонкий намек, Карп Афанасьевич. Вы, конечно, имеете в виду последнюю работу Джона Апперкота из Колумбийского университета по поводу некоторых новых данных к гипотезе академика Жана Какаду относительно теории...

— Да нет же, нет, юноша! Просто, скажите, сколько будет дважды два?

— Просто?..

— Да-да...

— Простите... простите, профессор, я должен подумать...

Думайте!.. Иванов, сколько будет дважды два? Дважды дв-в... э, видите-ли, я не совсем...

Садитесь! Петров, сколько будет дважды два?

— Профессор, можно я лучше приду в другой раз? Михайлов! Сколько будет...

...Очнулся профессор Богохульский на диване в кабинете ректора. Над ним склонились запотевшие от волнения ректорские очки.

— Что с вами, голубчик?

— Скажите... Скажите мне откровенно, сколько будет дважды два?

— Успокойтесь, успокойтесь, Карп Афанасьевич... Я понимаю, конец учебного года, сессия... переутомление. Сейчас я позвоню в...

— Сколько будет дважды два?!

Профессора с трудом отцепили от академически строгого ректорского пиджака и погрузили в «неотложку».

— Сколько будет дважды два?!

— Ладно, ладно, дядя, без этих... без под... без под-
сигиваний,— проворчал санитар.— Не дурней тебя. Со-
ображаем! Тумкаем! А ну, не шебуршись, а то свяжу!

Мораль: Гм-м... А действительно, сколько будет
дважды два? Э? Вот то-то!

Подарка Кэрол Беллито

Геннадий Емельянов

Подагра Карла Великого

Целый год я спал урывками. Было похоже, что через квартиру этажом выше ночами прогоняли крупный рогатый скот. Но этажом выше жил всего один нестарый вдовец сложной судьбы. Мы коллективно написали на него заметку в газету под заголовком «Хулиган распоясался» и получили ответ. Сотрудница отдела писем советовала нам создать вокруг соседа нетерпимую обстановку, и чтобы под ногами у него горела земля. Сотрудница, однако, не научила нас тому, как создать такую обстановку, и мы по-прежнему спали урывками.

Однажды дело было в субботу — наверху грохнуло так, что под нашими окнами выставились прохожие и в скверике заплакали дети. Тогда я взял в кладовке

молоток и пошел на сознательное убийство с применением тяжелого предмета.

Сосед, раскинувшись, лежал на поваленном шифоньере и пел горемычную русскую песню «Все васильки, васильки».

Я, конечно, не искал деликатных оборотов и выложил ему всю правду, а когда, распалясь, полез в карман за молотком, сосед сел на шифоньер верхом и сказал

— Чего икру мечешь, интеллигент тонконогий? Я пятнадцать лет в горячем цехе отбухал и не могу раз в жизни шифоньер опрокинуть, да?

Я несколько смешался, но ответил в том духе, что это, мол, вещи разные: шифоньер, например, и горячий цех, но чувствовал, что его железная логика все-таки гнет меня к земле.

— Ты не крути хвостом-то. имею право или нет? — Он потянулся к подоконнику за цветочным горшком, не дотянулся и заскрипел зубами.— Встать не могу, а то бы я тебе...— и заплакал.

Я вышел от него обескураженный.

Дома жена спросила

— Ты его приструнил?

— Нет, не приструнил.

— Почему же?

— Он пятнадцать лет в горячем цехе отбухал, неудобно как-то...

— Рохля! Он всю жизнь на углу с мангалом стоял, а ты — горячий цех! Никогда ты мужчиной не станешь! жена плюнула и хлопнула дверь

Я оглядел мебель в квартире. Повалить шкаф с книгами, что ли? Нет. Чтобы иметь на это моральное право, нужно по крайней мере лет сто пятьдесят работать в горячем цехе. Шкаф, значит, исключается. Может, диван опрокинуть? Ну, диван и вовсе нельзя шевелить — это, пожалуй, удел гениев: диван-то базарной работы.

Стул? Тоже громко упадет. И как я оправдаюсь, когда придут снизу и спросят: «По какой причине стулья ломаешь?» Скажу им, что десять лет отбухал бухгалтером? Так засмеют. Скажу, что у меня плодоносит лимон? Тоже неубедительно. В конце концов я смахнул со стола портсигар да и то подобрал еще затопчут.

...С того дня я стал мучительно сознавать собственную неполноценность. Да и после мне постоянно напоминали об этом на работе, дома и на улице.

Вот иду я раз из кино. Один гражданин, молодой и современного вида, наступает мне на ногу и не ведет бровью. Я его догоняю и спрашиваю:

Почему это вы не извинились?

А мне, — говорит, — до фонаря это — извиняться.

— Почему же до фонаря?

Я, — говорит, — творческая личность, я думаю и под ноги, как правило, не смотрю, — недосуг. — И показывает мне бумажку без печати, из которой явствует, что этот молодой человек состоит членом литературного объединения, имеет склонность к широким полотнам и пишет роман о крестоносцах.

Крыть было нечем — ведь я не имею оригинальных склонностей. Значит, он наступил мне на ногу вполне законно.

Но я не сдавался. Я все искал пути для того, чтобы заработать право опрокидывать мебель, ширять локтями в толпе и не извиняться.

Тем временем мои унижения не кончились.

Как-то в магазине через дорогу давали бананы. Когда настала моя очередь, а бананов осталось чуть, вперед протиснулся мордатый дядька в фуфайке и сунул продавщице чек.

— Вы же без очереди, уважаемый!

Не хватай, а то тоже схватить могу. Меня маши на ждет.

Ну и что?

— Некогда. Я же не бездельник.

Конечно, бездельник, раз в очередях толкаешься.

Дядька забрал последние бананы и пошел на остановку ждать автобуса, а я плелся восвояси, размышляя все о том же. какую найти зацепку, чтобы самоутвердиться? Я перебирал варианты и вспоминал всех знакомых хамов. Можно, например, выучиться в критические моменты пускать изо рта пузыри — безотказно действует. Но неоригинально! Один мой сослуживец козыряет дедом, который был портным у Чапаева. Уборщица бабка Настасья лично взвешивала к празднику поросенка очень большому начальнику, когда работала в подсобном хозяйстве. Старший бухгалтер нынче помогал рыбаку тащить из реки двухпудового тайменя. Но все это не то, не по мне. Где же моя платформа?

Сегодня я для начала опрокинул стул и жду соседей. Решено! Я им отвечу: у меня признали подагру. Сам профессор сказал «Первый случай в городе!» И подчеркнул, что подагрой болеют, как правило, выдающиеся личности. Например, Карл Великий и еще ряд других. Да с такой болезнью мне никто нипочем!

Как делать верблюдов

Профессор медицинского НИИ Елевич пошевелился в кресле и сделал жест рукой

— Рад видеть. Отличная погода, не правда ли?

Елевич лгал — он не радовался, он чувствовал жжение под ложечкой и упадок духа. аспирант Грушин, что стоял в дверях кабинета, скорбный, как надгробье, был профсоюзным начальником, знал, кому какая выпала нагрузка, и контролировал сроки исполнения.

— Чем обязан, уважаемый?

— Письмо к вам имею, Гурий Силыч. Не вам лично адресовано, но по вашей кафедре о проблеме питания. Трудящийся пишет

— Это замечательно, когда массы интересуются гигиеной питания. Меня это вдохновляет А вас?

У Грушина были толстые губы и одно на все случаи жизни выражение лица он с малых лет собирался за плакать, но почему-то не плакал. По этой причине Грушина не били в детстве, а учителя завывали ему от метки.

Письмо было такого содержания
«Здравствуйте, товарищи ученые!

Наука теперь до всего дошла, а вот человек до сих пор как-то особняком стоит И тут ваш недогляд, товарищи ученые!

Для примера поймем того же верблюда. Этот ловко пристроился наест себе горб, бегаёт по пустыне неделями и каши не просит А мы кушаем три раза в день (если без полдника) и спим всю ночь. Туда-сюда и сутки долой! Обидно, товарищи ученые! А нельзя ли приспособиться так, чтобы хоть глава семьи и кормилец воспринимал положенное ему количество пищи раз в месяц (лучше с аванса), спал зараз до получки и потом уже брался за производительный труд на всю катушку?

Вот мое предложение. Ваша задача, товарищи ученые,— думать, как и что.

Если мне полагаются деньги за рационализацию, прошу выслать их по адресу: горбольница, психиатрическое отделение, Малькову Ксенофонту в собственные руки.

Жду ответа, как соловей лета».

Профессор Елевич снял очки и посмотрел на Грушина с осторожностью: а не шутит ли? Но Грушин поднялся и сказал:

Ответ через неделю.

Ничего я писать не стану! — закричал Елевич фальцетом и тоже встал, — не хочу милейший, чтобы на меня лаяли собаки. Ведь засмеют!

Грушин был печален и строг.

— Массы интересуются, Гурий Силыч. Учитывайте. Сумасшедший интересуется. Решительно отказываюсь!

Извините, профессор, — голос аспиранта срывался и густел, — я вижу, извините, барски пренебрежительное отношение к запросам снизу. И наш конфликт я сделаю достоянием гласности. Да.

Впервые история с письмом выплыла во всей ее неприглядности на производственном совещании кафедры, которой руководил Гурий Силыч.

Некоторые товарищи, — заявил на совещании Грушин, утирая глаза платочком, — забыли, чей хлеб едят, они забыли также, что обязаны чутко реагировать на письма трудящихся, имея высокие звания, титулы и оклады, они...

Ну, и так далее.

Потом о бюрократизме Елевича было доложено на отчетно-перевыборной профсоюзной конференции, и профессор имел конфиденциальную беседу с ректором института.

Напиши ты, Гурий Силыч, ради бога! — попросил директор буквально со слезами, — уже из горздрава звонили сами, мол, не справитесь, комиссию пришлем. То да се. Неприятно.

О чем писать? Что я не верблюд?

Я тоже не верблюд! — ответил директор, розовея, — но на письма реагирую. Объясни автору, что современная наука не располагает возможностью э-э-э сделать человека...

Верблюдом. Вот и пиши сам, у тебя хорошо получится.

Директор побагровел, но отвел глаза
Не по моему профилю. Я хирург

О вопиющей черствости заведующего кафедрой гигиены питания говорилось с трибуны городского актива Красного Креста и на областной конференции ДОСААФ в газете была напечатана заметка «Волокитчик из НИИ», в институте побывало семь комиссий. Ждали из Москвы восьмую.

Профессор Елевич таял на глазах, он раз в неделю ходил к знакомому портному ушивать штаны, а ночами с унылой последовательностью видел сон, будто ест кактусы с тарелки и пьет квас из желтой бочки с надписью «Горторг». И — странное дело — желтая бочка имела два горба. И будто квас подносит ему ведрами женщина, вся в белом и без головы. Это было жутко, Елевич всхлипывал и просыпался.

Наконец, грянули проверяющие из центра во главе с академиком по гигиене питания.

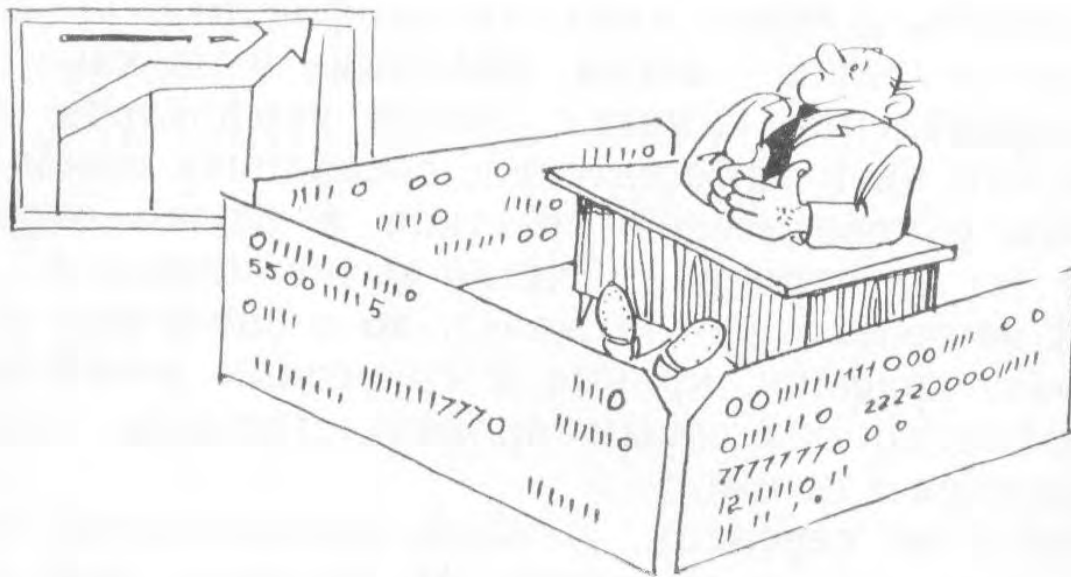
Этот? спросил академик и указал на Елевича пальцем.

Люди видели Гурий Силыч пошатнулся, как простреленный, стал на четвереньки и таким манером устремился навстречу проверяющим. И вдруг заревел жутким глосом.

Комиссия в замешательстве рассыпалась, академик однако не дрогнул и лишь покачал головой, глядя Елевичу вслед.

А письмо на мне повисло, — рассеянно сказал Грушин и утер платком повлажневшие глаза.

Елевич шел по коридору на четырех конечностях, в проходной он поинтересовался у вахтера Митрича, каким трамваем ловчее добраться до Аравийской пустыни, и затрусил на улицу, где ярко светило солнце.

Александр Зайцев

О любви не говори...

В старой песне говорится: «О любви не говори, о ней все сказано». Правда, дальше поется, что уж, если, дескать, молчать не в силах, тогда пой...

Но это в старые времена было. Сейчас труднее. О состоянии любви к трудящимся вышестоящее руководство ежемесячные отчеты требует докладывать о чуткости заставляет... А в главк или министерство с гитарой не пойдешь — нужны цифры, графики, диаграммы. Поэтому директор конторы «Теплонулеводстрой» Резинников решил задействовать в этом важном деле кибернетику

Для регистрации фактов внимания к трудящимся завели специальные перфокарты. Сделал, предположим

кто-нибудь доброе дело в перфокарте производится прокол и запись когда, кем, кому и на каком основании проявлено внимание. Затем перфокарты Резинникова, его пяти заместителей, двенадцати помощников и сорока руководителей участков и служб обрабатываются на электронной счетно-вычислительной машине. ЭВМ не только подсчитывает но и оценивает в баллах, выводит графики, кривые и синусоиды роста внимания и любви по отдельным производственным участкам и по конторе в целом.

ЭВМ не серенада. Любовь представлена ею точно, исчерпывающе и наглядно. И все-таки, как и всякая любовь, любовь кибернетическая не обходится без грусти. Для наглядности мы изложим лишь историю теплотехника Петуховой.

Молодой специалист Петухова обратилась к начальнику ЖКО «Теплоулеводстрой» Хмуряеву с просьбой поселить ее в общежитие, поскольку с мужем, горьким пьяницей, она жить совместно больше не в состоянии.

Хмуряев задумался.

Если эта Петухова, рассуждал Хмуряев, где-то проживает, то она и далее может там же, то есть где-то, проживать. Поэтому общежитие ей ни к чему.

С таким глубокомысленным выводом Петухова не согласилась и написала жалобу директору конторы.

Резинников наложил на жалобе резолюцию «Тов. Хмуряев. Прекратите безобразие! Тов. Петуховой нужна квартира».

Секретарь-машинистка тут же сделала прокол в перфокарте, зафиксировав факт заботы.

Хмуряев пожал плечами в чем заключается безобразие и чего ему надо прекращать? Подумав, он написал Петуховой, что квартир у них в ЖКО нету. У них— общежитие.

Петухова написала в центральную газету. Просила подействовать. Уже полгода, как она вышла замуж

за конструктора «Теплоулеводстроя» и поселилась в отдельной комнате общежития вместе с мужем. Только вот не прописывают ее к мужу, самовольно живет

Письмо из газеты пришло в контору

Резинников вновь наложил резолюцию «Тов. Хмуряев. Оставьте Петухову в покое!».

Секретарь-машинистка, как всегда, нажала кнопку датчика.

Хмуряев решил оставить так оставить, хотя он ее и до этого не беспокоил, а она его беспокоила...

Приходит насчет прописки Петухова. А Хмуряев провожает ее ласково из кабинета и приговаривает вслед. «Будьте спокойны! Будьте спокойны!..»

Состарилась Петухова. Да и не Петухова она уже давно, а Гусакова — по мужу. Четверо взрослых сыновей у нее на участке «Теплоулеводстрой» работают. И тоже в общежитии живут и тоже не прописаны.

Недавно Хмуряев, наконец, сдался. Согласился прописать. Заполнила она анкету. Прочитал ее Хмуряев и говорит:

На Гусакову у меня, гражданочка, никаких указаний нету. Так что не имею оснований... Петухова пускай живет, а вам нельзя...

Сушеные хомуты

Летом из областной потребкооперации в Белоборовское сельпо прислали по разнарядке новый самоходный грейдер.

Высыпали продавцы и повара.

Большая машина! Только зачем она нам без кузова — ни товары, ни тару не погрузить...

А мы на нем дрова возить будем,— подумав, решил председатель сельпо Растегаев.

Попробовали. Но без кузова плохо. Привяжут бревно веревка на три части лопается, грейдерный нож в землю лезет. Отвинтят нож—веревку цеплять не за что... Плюнули со зла и закатили грейдер в конюшню.

Как раз в это утро сильно пригорюнился председатель местного колхоза урожай на полях, а дороги разбиты. И ремонтировать их нечем.

И тут узнает он, что сельпо грейдер получило.

Председатель, конечно, бегом к Растегаеву

Продай,— говорит,— технику, дорогой сосед, мы с ней такие дороги построим, что и зерно, и продукты во все ваши магазины и столовые без горя возить можно будет...

Не могу,— отвечает Растегаев.— По разнарядке он нам достался, и я этому очень рад. Нигде по всей республике нет в сельпо грейдеров, а у нас пожалуй ста. Может, нам такую машину век больше не видать...

Председатель грузовик, конный обоз с полной сбруей и кучерами взамен обещает, в аренду грейдер просит. Не отдает председатель. Поехал председатель в райисполком. Привез в деревню председателя райисполкома. Зашли в сельповскую конюшню. Поглядели. Действительно — грейдер. Пригоден лишь для строительства дорог

Отдай уж, чего там,— рекомендует председатель райисполкома.

А Растегаев не решается.

Начали председателю облпотребсоюза звонить.

Не можем мы на такое нарушение решиться,— отвечает областной руководитель сельпо.— Не колхозу он, а торговой организации занаряжен. А ты, Растегаев, гордиться таким доверием должен. Иначе отберем грейдер и в другое место переадресуем...

В разговоре выяснилось, что не только в республике,

а и во всей стране ни в одной сельповской конюшне ни одного грейдера нет

Пуще прежнего гордиться стал Растегаев грейдером. И опять же — на грейдере конюхам хомуты сушить удобно...

Родные

Как-то встретили мы начальника участка с шахты «Бытовская» Хвораева. Вез он домой две машины железобетонных шахтных стоек.

— Гараж хочу из них построить. Чтобы он все время родную шахту напоминал.

А я тоже шахту люблю. Особенно подземный транспорт. Поэтому гараж из рельсов возвожу, — радостно поддержал разговор механик этого же участка Куроедов.

В доме работника связи шахты Фараонова в этот день была стирка. Связист развешивал белье на телефонном кабеле.

— Вот вешаю, а он гудит под руками вроде бы как на рабочем месте я...

Ходили мы по тротуарам из транспортерных лент, перелезали через заборы, собранные из рельсов и металлокрепи. И все больше убеждались, что живут в поселке шахты «Бытовская» горячие патриоты своего предприятия. Настолько они с шахтой сроднились, что без ее оборудования не могут на поверхности даже часа прожить.

Предположим, на что годится новая вагонетка кроме как на перевозку угля? Нет же, под полив огурцов приспособили. И вместо ванны летом используют

Вентиляционные трубы тожегодились ими ко-

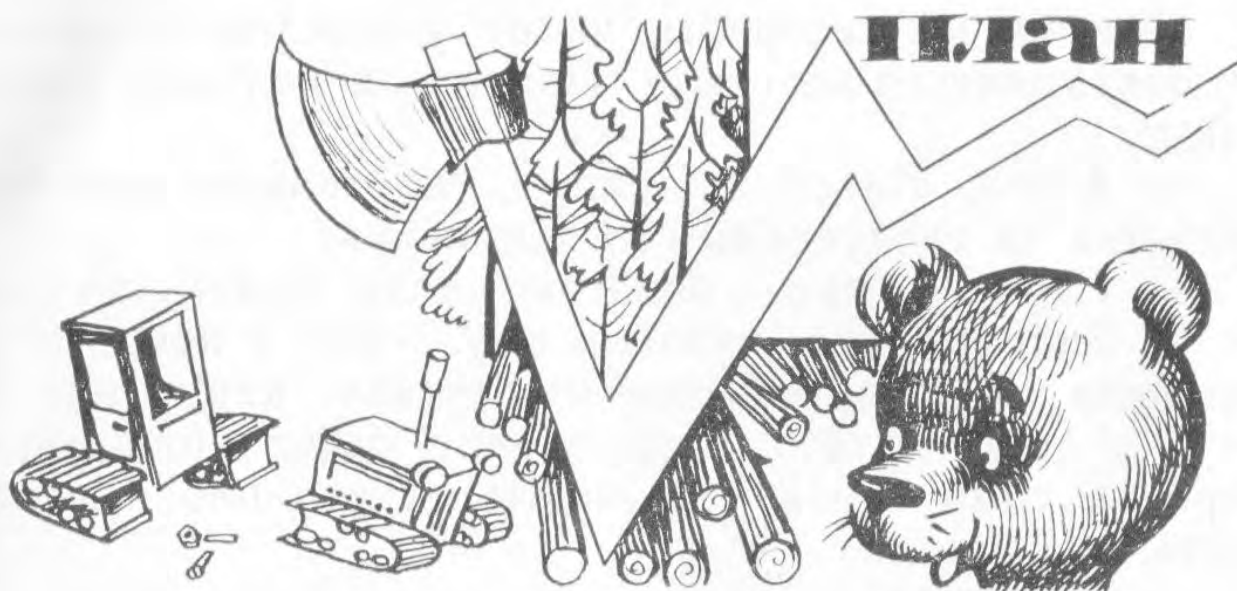
ровники и курятники прикрыли, чтобы скот и птицу дождем не мочило.

Даже решатакам применение нашли собачья конура хорошая получается, а во время ремонта в рештаке раствор можно размешивать.

В субботу над поселком дым столбом стоит: бани горняки топят. И парятся они, можно сказать, без отрыва от производства и потолок, и каменка, и четырехдюймовая печная труба — все из нее, из шахты, вытащено.

Не так давно закупила шахта где-то за границей новые железнодорожные весы. Говорят, валютой, золотом то есть, расплачивалось государство. А в поселке в это время мостик поломался. Сняли бытовцы с крупных весов железную площадку и наладили мостик. А весы теперь вообще без надобности как и прежде, уголь на глазок в вагоны засыпают.

Виталий Курков

Сказочки

Медвежья услуга

Выучился Медведь грамоте. И застыдился застарелой своей привычки отсиживаться зимой в берлоге. С наступлением холодов подался по тайге дела искать. Шел, шел и повстречались ему лесорубы.

Здорово, мужички!

Привет, привет — ответили ему лесорубы.

Не возьмете ли в помощники?

Да как-то обходимся. Сила нам теперь и ни к чему вроде, вон сколько разной техники. Управляемся.

Огляделся Мишка. И впрямь не тот нынче лесоруб до самых зубов механизированный. Однако сдаваться не торопился.

— Может, в канцелярии дело какое сыщете, я ведь зверь теперь не обыкновенный, а ученый.

Подивились лесорубы, но от услужливого посетителя отказываться не стали. Привели в контору Спрашивают:

А что, Михайло Иванович, сваргань-ка нам обязательства на следующий год. Сможешь?

Научите, как полагаю, дело будет посильное. Значит, так,—сказали ему.— Вот в папке все наши дела. А обязательства мы делаем, как у нас говорят от достигнутого. Чего, значит было много или там хорошо, само собой,—улучшить, а что плохо,—уменьшить. Уразумел?

Уразумел.

И засел Медведь за обязательство. К вечеру и управился.

Вернулись лесорубы с делянки, он и выкладывает бумаги. Через несколько минут разразился по окрестной тайге такой хохот, какого в этих краях ни зверь, ни человек и не слыхивали.

Ну, уморил!.. Ну Михайла!.. Услужил, ничего не скажешь!..—приговаривали сквозь слезы лесорубы.— «Разбить два трактора и один бульдозер» — громко, чтобы перекрыть хохот, читал бригадир.— Это для чего же нам такие обязательства, лохматый ты наш помощник?

Чтобы выполнять, знамо...—недоумевал веселью косолапый.

Снова грохнули лесорубы.

Ну что вы гогочете? обиделся Медведь.— Уговор же был что хорошо, улучшить, что плохо, уменьшить. Кубометры я вам увеличил? Увеличил. А тракторов вы нынче побили три, бульдозеров два. Плохо это? Плохо Так я же и уменьшил. Или солярку,—продолжал он наступать на притихших лесорубов.— Надо экономить? Больше и записал. А с пьянством, к примеру, надо бороться. И было у вас прогулов по этой части 28 человеко-дней. Я пишу 20.

Снова громыхнула тайга.

Ай да Михайла, ай да Иваныч Как есть все предусмотрел, лохматый чертяка. Не обязательства поэма! и бригадир похлопал помощника по крутому плечу.— Спасибо на добром деле, а только зря тебя грамоте учили.

Медведь обиделся.

Что же и бороться не будете?

Будем, дорогой, будем А только наша, людская, грамота тоньше, деликатнее, что ли. Нету в тебе, звере, людской хитринки, дипломатичности. Оно ведь не всякое лыко в строку Так-то.

Бойтесь, не осилите два трактора? не сдавался ученый Медведь.

Боимся, милоч. Страсть как боимся. И все же пишем не все, что в уме держим. Ты у нас вроде как молодой специалист те тоже придут на делянку и грамота есть, и диплом чин-чинарем, а тонкости производственные постигают не вдруг Так что давай-ка лучше лапками поработай, коль уж желание такое есть. Голова у тебя пока уж очень светлая. И все-то ты увидел, все-то вдруг постиг, а этого у нас не можно. Не сразу можно.

Тросточка

Купил Заяц тросточку Так, для шикю Ходит, пома хивает, прохожих пугает А как зелья налижется и вовсе распоясывается. «Р-разойд дись,— орет,— зверье косопузое!» И все тросточкой, все тросточкой. Раз так-то витрину в магазине и расколошматил.

Пока охали да ахали Косого и след простыл. За брали одних свидетелей. Причастных, как сказал Медведь. И давай спрос чинить с них.

Первого Бобра спросили.

Ну-ну, выкладывай.

— Иду, значит, Косой, пардон, Заяц ругается.

— На тебя?

На меня тоже. Я сказал как не стыдно...

— Вот! перебил его Медведь.— У нас всегда так. Тебе чего от него надо было?

Так он же ругался. Я и...

Ну и что?! Ругался. Уши у тебя завяли, да? Чего привязался? Ну, народ, ну, звери!.. Кто там еще был? Давайте Козла, чего он тут мекать будет...

Козел тряхнул бородой.

Я, собственно, что? Не в курсе.

Заяц же у тебя напился, в твоём кафе.

Было дело. Принял. Ушел. Все нормально.

Нормально. Спаивать зверей—нормально? А они потом хулиганят по всему лесу! Вот будешь расплачиваться за стекло, узнаешь «нормально». Пойди вон да позови Ежа.

Вкатился Еж.

Тросточки продаешь?   насел на него хозяин.

Еж пожал иголками.

Ты мне тут свою гимнастику брось! — рассвирепел Медведь.— Ты знаешь ли, что твоей тростью Заяц по всему лесу витрины магазинов расколошматил?!

Слышал, одну разбил. По пьянке.

Уточнять ты сюда пришел? Я те поуточню Трость твоя, ты и ответчик. Записывай, Лиса. Ежу стеклить, Козлу за стекло платить. Будут у меня тут рассуждать.

А Зайцу?   спросила Лиса.

Что Зайцу?

Ему-то что запишем?

Зайцу-то?   Медведь поскреб волосатое брюхо.— К нему мы пошлем Бобра. Извиняться. Пусть им обоим стыдно будет, негодникам.

Отчетный период

Подрался как-то длинноухий. По пьянке. Возмутились звери. Взревел Лев.

— Доколе? и дает указание.— С работы снять. Судить.

Тут Лиса

А как же премия? Ведь конец года, отчетный период. Показатели у нас чин чином, а дело оформим все насмарку

Поскреб владыко в загривке точно. И решает передать негодника инстанцией ниже участковому, Волку

А у того тоже отчетный период квартал. И метил серый по всем статьям в передовики. И также ждал поощрения.

— Ну, Заяц, попадешься ты мне!.. В другой раз.

И передал разбойника «на общественность».

А общественности косою до того надоел, что и разбираться с ним не стали. Спихнули Зайчихе. твой? — утихомирь!

Стала супруга выговаривать своему непутевому а он взял да и побил ее. Потому — опять был в подпитии.

РОТ

Назначили Барсука в лесу кадрами заведовать. И пошло с тех пор что ни день новшество.

Вызывает он как-то Бобра. Так, дескать, и так, объясняет, с завтрашнего дня валяй в распоряжение Дятла. План там по дуплам, понимаешь, горит Надо выручать.

Надо так надо. Почесал Бобер в загривке, делать нечего начальству-то виднее.

Наутро уж с Дятлом беседует
Чего не управляешься-то?

Ха! сказал Дятел.— По две нормы выколачиваю.

А чего же меня прислали? Прорыв, говорят Оно и есть прорыв. Трое нас в бригаде-то. Было трое. Теперь вот сам один. Двоих бросили на муравейники.

А сами-то, муравьи-то? Строители же один к одному

Да ты что, газет не читаешь? удивился Дятел.— Медовый же месяц. Месячник по заготовке меда. Муравьи и авралят

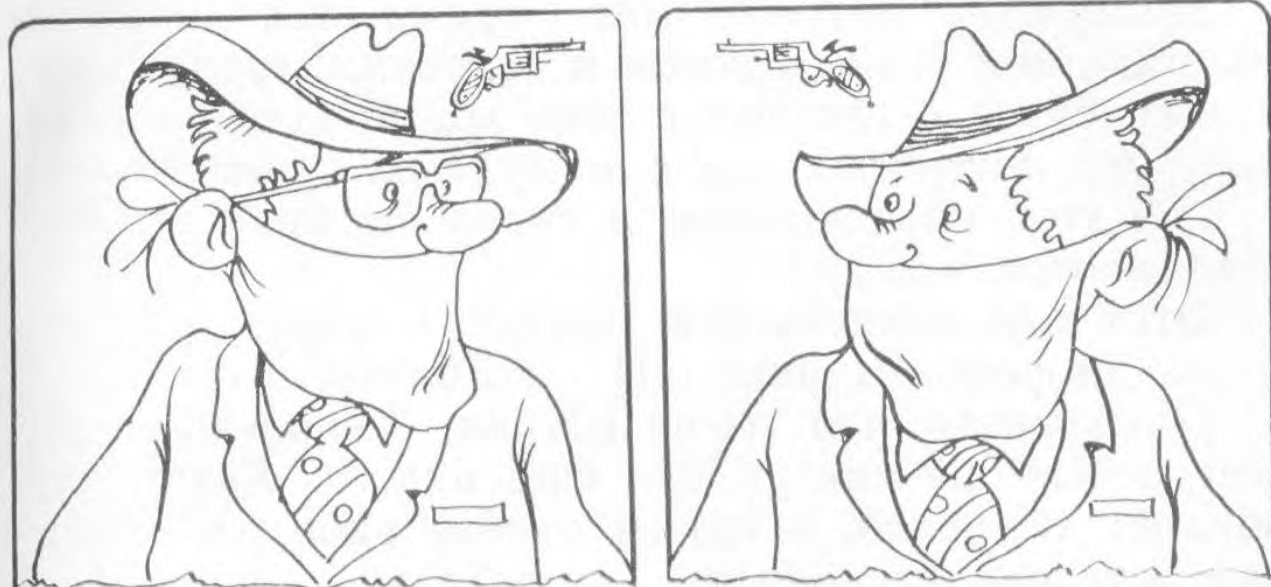
А пчелы? совсем растерялся Бобер.

Темный ты, я вижу, зверь. Кругозору у тебя, как есть, нету Пчелы за рекой строят нечто уникальное. Из стекла и воска. Дома только и остались мелкота разная да трутни

Ну, карусель...— только и сказал на это старый строитель и хозяйственный зверь Бобер.

Не карусель,— ответил ему Дятел,— а рациональная организация труда сокращенно РОТ Барсук придумал. Мудрая, говорят, голова.

Гарий Немченко

Совпадение

Он глянул на меня раз, потом другой, поправил очки и посмотрел снова...

Все понятно началось.

Сейчас выяснится, что он признал во мне или своего школьного приятеля, вместе с которым два года отсидел «на Камчатке», или знакомого по санаторию в Трускавце — палаты были напротив, — или вратаря из футбольной команды, за которую он когда-то болел...

И тут уж ничего не поделаешь. вечно меня принимают за кого-то другого, вечно с кем-то путают вечно я кому-то кого-то напоминаю...

А правда, он удивительно похож на Лошакова? — обычно говорит обо мне кто-нибудь из тех, с кем меня только что познакомили, и я к этому настолько привык, что очень удивился, если бы на этого Лошакова или другого какого Петрова Сидорова был бы я не похож...

Послушай других мир прямо-таки перенаселен толстяками с утиным носом и волосами, торчащими, как у дикообраза,— где они только ходят эти толстяки, почему это, интересно, сам я никогда их не встречал?..

...А этот прокашлялся и снова на меня поглядел сомневается, что ли?

Этот хоть сомневается. Другие сразу.

Здорово, Шурик! И по плечу

Доказывать, что ты не Шурик, бесполезно «Ну, ты всегда был шутник!» Это еще ничего. Хуже, когда с обидой «Конечно, в одном отделе работали, был Шурик, а теперь Александр... как тебя?»

Доказывать, что ты не Шурик, совершенно бесполезно тем более потому, что ты ведь «нисколько, ну абсолютно нисколечко не изменился»...

Имея в виду тебя самого, друзья твои или хорошие знакомые обязательно сообщат тебе, что ты постарел, потолстел, сесть вон как быстро начал... В роли же Шурика ты выглядишь все так же, как при последней встрече.

...А этот, в очках, поверх журнала опять зырк! Мне уже начинает казаться, что и я его где-то видел...

Ну не стесняйся, спрашивай... О чем, интересно, спросит?

Не с вами мы прошлый раз в буфете в аэропорту?..

А, может, и не по-русски заговорит и это не в первый раз.

Меня уже принимали за болгарина и за грека, за турка и за мексиканца, причем, я должен сказать, не за какого-нибудь отвлеченного болгарина или турка, а за совершенно конкретного «Эй, Стоян, где ты пропадаешь последние дни?..» Или «Наконец-то ты появился А то, мы думали, ты о нас просто забыл.»

Я понимаю, всем этим я обязан своему лицу, как рикатурно выразившему в себе южнорусский тип, лицу

которое одинаково может принадлежать и торговцу мандаринами из горного села Мачоби, и министру иностранных дел республики Никарагуа...

...А этот вытянулся весь помочь ему, что ли?..

— Послушайте! делаю к нему шаг.— Должен сказать, что вы ошибаетесь... Мы с вами незнакомы и даже никогда не виделись...

— Да да, я только хотел вас предупредить,— живо откликнулся этот, в очках.— Дело в том, что меня всю жизнь принимают за кого-либо другого...

Вас? удивился я.— Это меня всегда путают с кем-то другим!

И вас тоже? обрадовался в очках.— Какое совпадение! и заговорил доверительно, как со старым знакомым Иногда, знаете, до белого каления Степа... Миша... Ты говоришь, что ты не Миша, да только как об стенку горох!

— Да что вы, разве можно отказываться!

В конце концов я тоже пришел к этому выводу,— кивнул мой собеседник, разводя руками.— А что делать? Гораздо хуже, например, когда ты приходишь в библиотеку, в которой до сих пор никогда не был...

А вам говорят: пока не вернете книги, записывать не станем ..

— Совершенно верно .. Или вы приезжаете в незнакомый город, устраиваетесь в гостиницу в эту, разумеется, впервые в жизни...

... а вам тут же предъявляют счета за телефонные разговоры, которые вы забыли оплатить в прошлый раз

Со мной было несколько иначе,— возразил мой собеседник.— С меня пытались взять штраф за разбитые умывальники и люстру...

А меня однажды в баню не пропустили,— пожаловался я.— На том основании, что очередь — вон какая, а я прихожу будто бы в третий раз...

— Да да,— согласился мой новый знакомый.— Подумаешь иногда так вот и физиономию набить могут... Перепутают и...

Ни за что, ни про что... Доказывай потом, что ты не Сема или не Митя!..

Мы негромко рассмеялись, мой новый знакомый поправил очки и задумчиво так, совсем по-дружески сказал

Как все-таки хорошо, что мы это... с полуслова. Стоим вот, мило беседуем. И не надо доказывать, что ты это ты, а не кто-либо совсем другой, правда?..

Невдалеке слышались крики.

Я обернулся.

Из-за угла ближайшего дома выбежали несколько человек, и передний, глядя на нас и засучивая рукава, громко крикнул

— Вот они, голубчики .. Оба здесь!

Где медведю зимовать

Из рассуждений старика Пантелеича

Очень волнует меня большой вопрос — о сохранении в нашей Сибири птиц да зверушек и вообще всякой таежной живности...

Чего уж там совсем старых людей слушать — мои одногодки и то тебе расскажут, только спроси, какая тайга-матушка раньше была богатая и как нынче она обеднела.

А все, по-моему, оттого, что молодежь наша так быстро нынче Сибирь осваивать стала, что зверь лесной никак к темпам этим не приспособится. На что уж медведь умная голова, и тот, куда ему деваться, не знает...

И то подумать...

Вот заляжет он на зиму в глухом таежном логоу, а проснется, глаза протрет под боком уже завод дымит, и на воротах лозунг: работаем в счет будущего года...

Ну, в следующий раз, он, глядишь, еще дальше в тайгу спрячется уж сюда, думает,—ни одна живая душа...

А молодежь тебе на предоктябрьскую вахту, да повышенные обязательства, да на три месяца раньше срока, и уже в самом что ни есть начале весны тоже, на месяц досрочно просыпается косолапый от головной боли: угорел, бедняга, от выхлопного газу, потому что берлога его теперь аккурат рядом с новой шоссейной, а шкура у него все равно что старый шоферский комбинезон, потому как над ямкой над его давно уже лишний бензин сливают...

Осенью мишка снова куда подальше, а мы опять за ним след в след.

А что бы ему, зверю лесному, догадаться спасение его не в дремучей тайге, где мы на пятки ему наступаем, а, как бы сказать, в тылу у нас — в городе...

Вот, предположим, глухой бы ночью в начале зимы пробрался медведь в наш город, да и залег бы в подвале Дома быта, который бог знает когда еще начали у нас строить...

И кто бы его зимой потревожил?.. Зайти туда и в голову никому не придет!

Не понравится мишке, допустим, Дом быта другую стройку себе облюбовывай программа этого самого культурно-бытового строительства у нас очень большая. Хошь филармонию; а хошь кино да мало ль!..

Если так хорошенько прикинуть, то всех сибирских медведей на один наш город не хватит. Вон только в гостинице, что в центре ставят, триста номеров, говорят, будет в любой заходи, ложись, спи...

Это потом, когда сдадут ее, по пять да по семь человек в комнату селить начнут, кого в коридор, а кого и вообще — на улице погуляешь. На то она и гостиница, чтобы мест в ней никогда не было. А пока один в любом номере поселяйся — кум королю...

Но тут, скажу я, тоже надо не без ума.

Ночку для такого поселения выбрать надо медведю с бураном да со снежком, чтобы следы его к утру засыпало начисто...

А то днем поглядит кто: следы гро-ма-адные!..

Да только никто ведь не догадается, что это медведь прошел.

Подумают, большой человек.

Разговоры начнутся — то, се...

Кто-нибудь из строительных начальников, не разобравшись, бригаду пошлет — здесь, мол!.. Работаем!

И попробуй потом усни, если над головой у тебя по две смены подряд начнут забивать «козла»...

А уж если незаметно пробрался, то спи себе на здоровье. Не забывай только, что тебя и весной тоже могут не разбудить, так и проспичь все лето, если сам о себе не побеспокоишься...

Должен сказать, что есть у меня и кой-какие другие соображения насчет облегчения медвежьей жизни...

Чем, например, бедолага-мишка пока питается? А все тем же. корешками да ягодками. А по мне, так ему, мишке, давно пора уже спецмолоко выдавать, как на вредном производстве. Что ж, что воздух в тайге получше, чем в нашем городе: ведь мы привыкли, а он-то нет.

Ну, да спецмолоко — это тебе не так просто. Попробуй пробей. Нашего брата ведь тоже хорошо знают. Дай нам сегодня это спецмолоко, завтра мы уже спецовочку для медведя потребуем, а потом, чего доброго, глядишь — и путевку в Сочи.

Так что это уж — бог с ним.

А вот если бы косолапых обучить вокруг наших городов бутылки собирать из-под ее, проклятой, которую с собой охотники да туристы в тайгу приносят,— тут бы и точно, можно было всех до одного косолапых на самый дорогой шоколад перевести...

Ну, это, конечно, потом, а начинать нужно, и верно, с маленького, с того, что дается нам без большого труда, а потому давайте решим нечего нам, понимаешь, без дела зимой ходить по этим нашим тыловым новостройкам пусть медведи спокойно спят

А что, может, самые хитрющие из них да-а-авненько уже зимуют в нашей Сибири таким манером как знать?..

Таракашка

У нас холодильник испортился.

Вызови мастера,— попросила жена.— Будет спрашивать что, ты скажи пофырчит, пофырчит, но так и не включится... И холода нет,— потекло все. Давай чтобы сегодня же!

В первый день вызвать мастера я пытался по телефону. На второй несколько раз ходил в ателье по ремонту быттехники. В третий, взяв отгул, с утра прождал мастера до конца смены, и для меня так и осталось тайной, как это ему удалось незаметно пробраться на рабочее место мимо меня и моментально напиться.

По крайней мере, через две минуты после того, как в отделе «Добрые услуги» табличку на двери повернули обратной стороной, он был уже, что называется, в стельку

Вы понимаете,— сказал я,— сначала зафырчит-зафырчит...

Мастер икнул и дружелюбно сказал
Сам не сделаешь...
Совершенно верно
Он пообещал
— Завтра... не-а, послезавтра приду...
Я попытался его разжалобить
Второй день с женой не разговариваем...
Он снова икнул
В-видишь, что я идти не могу?.. Пойду и упаду...
Я поддержу,— пообещал я.— Помогу В крайнем
случае понесу...
Мне показалось, что я удачно пошутил.
Тогда другой разговор,— дружелюбно сказал
мастер.— Встать, понял, помоги...
Мы пошли.
Дома я усадил его на табурет посреди кухни. Он
сидел, вцепившись в сиденье руками. Голова его опи-
сывала правильные круги.
Я стоял, опершись о дверной косяк, и тяжело дышал.
Потом он сделал круг, качнувшись к холодильнику.
От стенки отодвинь...
Я отодвинул.
Сзади к нему подойди, не бойся...
Я не побоялся.
Внизу есть т-такая черная штучка, куда провод
входит
Штучка была.
Выдерни ее...
Выдернул.
Т-теперь там в ней «таракашка» есть...
Какой таракашка?
Об-быкновенный... Прусачок. Есть?...
Я посмотрел на черную штучку внимательней что
за чудо! Прусачок, представьте себе, был...
Вынь его... Эт-то он тебе замыкание и устроил
Вынул? Поставь все на место.

Я поставил.

И-не труд важен, а? — спросил он. И дружелюбно объяснил.— Важно умение, понял?..

Это уж точно! поддакнул я, все еще удивляясь.
Давай тройка!

Отступать было некуда.

Спрятав трешницу, он дружелюбно предложил

Т-теперь отнеси меня, а?

Ну уж попробовал я восстать.— Может все-таки как-нибудь сам?

Он дружелюбно укорил

Т-ты меня брал?

В логике ему нельзя было отказать. Я понес.

На улице он попросил

Слышь, занеси меня в гастроном. Возьмем..

Ну уж! восстал я.— Еще чего—в гастроном ..

У тебя стиральная машина есть? спросил он дружелюбно.

Есть...

А я и по стиральным машинам....

Я промолчал.

А у тебя пылесос есть?

Ну есть...

Он так же дружелюбно спросил

А телевизор у тебя есть?..

И я понес его в гастроном.

Олег Павловский

Не до смеха

Я решил написать юмористический рассказ.

Теоретическая сторона вопроса меня не волновала. На этот счет я подкован был еще в школе прочитал не то научную статью, не то фельетон под заглавием «Как писать сатирические рассказы...» Главное тему найти соответствующую. А за темой ходить не к чему. Все юмористы в основном о бюрократах пишут. А я чем хуже? Я решил писать об очередном бюрократе. Значит, тема в кармане.

Далее — сюжет. Острый, захватывающий. Это сложнее, но, если хорошенько поворожить мозгами, сюжет изобрести можно. Изобретают же люди всякие там спутники, космические корабли и даже истории о снежном человеке...

Я пересел со стула в кресло и смежил веки. Через три часа глубоких раздумий сюжет был изобретен.

Краткое его содержание сводилось к следующему

«В город с семьей приезжает тонкий (длинный, худощавый) человек. На вокзале он видит толстого (полного, солидного, объемистого) человека. Тонкий приглядывается и узнает в толстом своего школьного товарища. Подходит и говорит:

Здорово!

Толстый (ответственный работник городского масштаба) перекладывает свой портфель из левой руки в правую

Простите, я вас не знаю.

Тогда тонкий...»

Впрочем, вы по завязке можете судить, как я здорово все это завернул. Осталось дать каждому из них фамилию, имя, должность, а дальше, сами понимаете, пойдет как по маслу

Тонкий, решил я, пусть будет передовым рабочим с фамилией Передовиков, а толстый — председателем...

Э, стоп!.. Не пойдет председатель. Неудобно получается. Не техничка какая-нибудь и не стрелочник на железнодорожной станции, а председатель!..

Может, размышляю, толстого начальником милиции сделать? Должность ответственная, номенклатурная, у меня с ней никаких личных контактов не... Э, стой! А вдруг будут?.. Кто знает, какие рогатки поставлены человеку на его жизненном пути. Нет, и начальник милиции не подходит...

В три часа ночи жена насильно уложила меня в постель, но я не сомкнул глаз ни на минуту. На рассвете я окончательно решил сделать толстого директором городского парка. Должность эта не ахти какая, но все же директор!

Я воспрянул духом, сполоснулся холодной водичкой и пошел на работу. Вернувшись, сел придумывать моему директору соответствующую его занимаемому положению юмористическую фамилию.

Деревянкин! От слова «дерево». Неплохо! Я схватился было за авторучку, но вовремя вспомнил, что такую фамилию носит заместитель помощника заведующего по хозяйственной части нашего учреждения. Не хорошо, думаю, получится, если мой рассказ ему в руки попадет. Обязательно подумает, что я под него подковыриваюсь...

И в эту ночь не пришлось сомкнуть глаз.

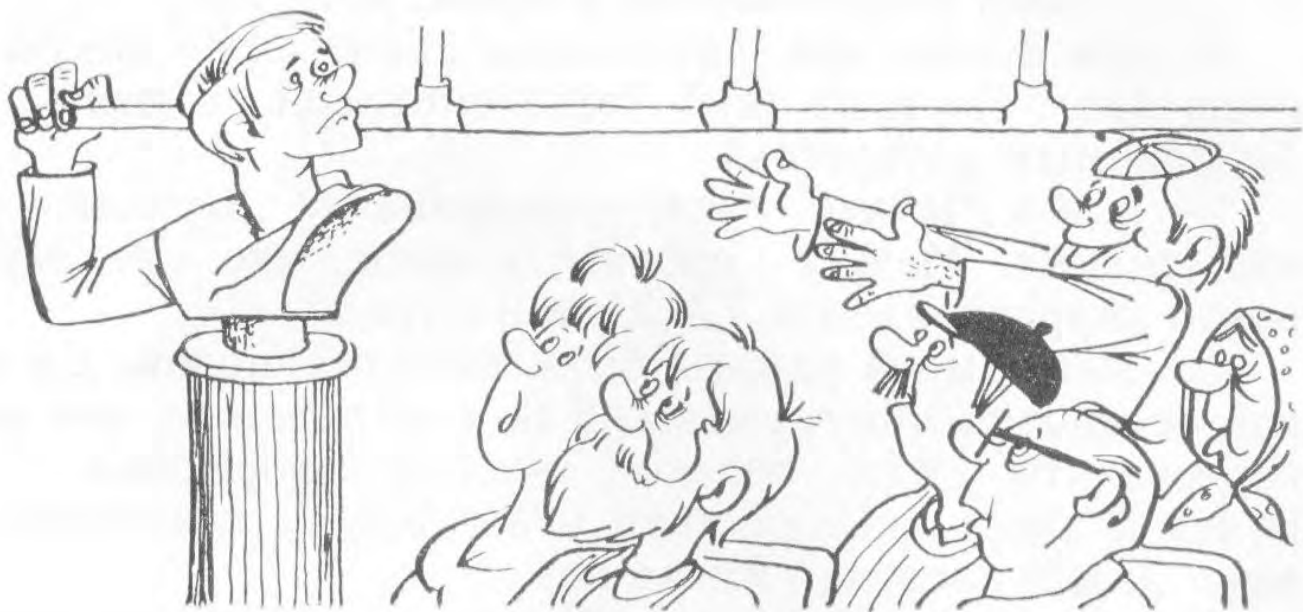
Дубинин работает в горисполкоме, Пеньков временно исполняет обязанности директора школы, где учится мой сын. Мухоморов наш главный бухгалтер. Даже такая редчайшая фамилия, как Подпочечников, нашлась у моего дальнего родственника.

Но известно кто ищет, тот всегда найдет Собакевич, вот!

Через неделю в моем распоряжении были темы, сюжет, должности, фамилия и я, движимый лучшими намерениями, сел писать.

Я написал почти половину рассказа, то есть дошел до того места, где тонкий говорит толстому: «Здорово!», — и тут мое перо снова застопорилось. Может ли наш передовой рабочий так просто взять и сказать: «Здорово»? Не нанесет ли такое грубоватое приветствие ущерб его духовному облику с эстетической точки зрения? Не вернее ли вложить в его уста «добрый день!», если это день, или «доброе утро», если это утро? А вслед за этими вопросами пришли другие. Как, к примеру, установить, может ли в наш космический век происходить подобная ситуация, да еще на обычном вокзале? Как отнесется к такой ситуации читатель? Какие против меня обвинения может выдвинуть критика? И главное — что скажет наш директор городского парка и не начнет ли он строчить жалобу?

Да... Теперь не до смеха. А что поделаешь! Такая профессия.

Анатолий Паршинцев

Встреча

Я опаздывал на работу. Вскочил на переднюю площадку автобуса. Сучков не спешил и степенно забрался в заднюю дверь. Он увидел меня, но между нами было сто человек, и он крикнул

Привет старик!

Привет! крикнул я

— Что пишешь? Повесть? Роман? крикнул он.

Все сто пассажиров враз посмотрели на меня. Я ничего не писал, и, наверно, поэтому мне стало стыдно под ждущими ответа взглядами пассажиров.

Слышь, старик! А этот...— Сучков выкрикнул фамилию известного писателя, — уехал?

Я неопределенно качнул головой «Не знаю, мол».

Старик! А этот-то прогорел Сучков выкрикнул еще одну известную в кругу литераторов фамилию.—

И правильно! Поросенок он добрый, вот что

Я пригнулся, мне захотелось забиться в какую-нибудь щель. Но куда там! Люди смотрели на меня с нескрываемым интересом.

— А я в Москве был! надрывался Сучков.— Роман толкал. Между прочим, старик, мне предлагали место корреспондента ТАСС, я наотрез...

До места моей работы было пять остановок. До первой остановки минута езды. Как я ее пережил, нет мочи пересказать. Как только автобус затормозил, я ринулся в дверь, расталкивая уважительно глядевших на меня дам и наступая им на ноги.

Выскочив, я обернулся. Сучков прилип носом к окну и приветливо махал мне рукой. Перекрывая шум, он кричал:

Старик! Пиши юмористические рассказы. Они нынче в ходу!

Срочный заказ

В начале рабочего дня подлетел ко мне начальник отдела и закричал

В сторону все! Срочный заказ!

Я отложил текущие дела и принял срочный заказ.

В это время раздался телефонный звонок, начальник выслушал, положил трубку и крикнул мне.

Эй, отбой! Занимайся текущими.

Я отложил срочный заказ и раскрыл свои дела.

В отдел вбежала секретарша и увела начальника к «самому».

После их ухода заскочил в кабинет заместитель управляющего, бросил на мой стол кипу бумаг

Срочно! В главк отправлять надо.

Я отодвинул свои бумаги.

Только ушел зам, в кабинет ворвался начальник отдела.

В сторону все. Гони заказ!

Я отложил бумаги заместителя управляющего и подвинул срочный заказ.

Мой начальник, как метеор, исчез, а на пороге появился зам.

Скоро кончишь?.. Да ты чем занимаешься?!
рявкнул он.

Срочный заказ,— пояснил я
Самый срочный мой Все!

Я отложил заказ начальника отдела в сторону и взял заказ зама.

Только ушел зам, примчался начальник отдела и еще с порога завопил

Бросай все к чертовой матери В первую очередь вот это делай! и сунул мне под нос какую-то бумажку

Я взял ее и хотел приняться за работу, но тут появился заместитель управляющего, и они, брызжа слюной и багровея, принялись называть друг друга бюрократами, бумажными душами, выскочками и службистами.

Когда начальство ссорится лучше всего молчать. И я стоял, молчал и мучился угрызениями совести. Вот ведь до чего довел!

— Срочный заказ мне «сам» дал. К вечеру, говорит, чтоб готов был! кричал начальник отдела.

Мне тоже «сам» дал! И тоже срочно кричал зам.— И я главное тебя!

А это мой подчиненный тыча в мою макушку пальцем возражал начальник отдела.

Зам не нашел возражений и схватил начальника отдела за грудки.

В этот самый момент зазвенел звонок, возвещающий конец рабочего дня.

В кабинете наступила потрясающая тишина. Мне было жаль моих начальников. Как-то они станут отчитываться перед «самим»...

Сложив все дела в стол и тяжело переживая за дальнейшую судьбу начальников, я пошел домой.

Я переживал за них всю ночь, а утром на доске приказов прочитал «Уволить... Петрова... (то есть меня) как не справившегося... с обязанностями...»

На какой я должности?

Перешел я на другое место работы. Друзья встречаются, спрашивают о моей новой должности. Я им большой палец показываю вот, мол, моя должность, на все сто! А сам молчу. Потому молчу, что не знаю, кем числюсь.

Ну, друзья ладно, бог с ними. Жена стала ныть: «Как так работаешь и не знаешь, кем? Тебя поди обжуливают на все сто»

Это ты брось! возразил я.— Но если тебе так хочется, узнаю.

Прихожу назавтра к начальнику Григорию Ивановичу. Так и так, говорю, жена моя желает знать, на какой я должности.

Григорий Иванович побарабанил по столу пальцами.— Разберемся сейчас, Петренко. Ты присаживайся. Он поковырялся в бумажках.

Значит хочешь знать, кем ты числишься? Пожалуйста, вот... Нам, понимаешь, нужен был оператор. Мы взяли тебя. Но оператор не положен по штату. Мы тебя раз и оформили как инженера. Но так как инженер у нас есть, а зарплаты нету, мы выплачиваем тебе зарплату электрика.

— А где же электрик-то? поинтересовался я.

— Кроме того,— словно не расслышав вопроса, продолжал Григорий Иванович,— мы держим курьера. Курьер же нам не положен...

Курьер... он тоже инженер-электрик? опять вставил я

Начальник улыбнулся

Вовсе нет! Курьер получает зарплату третьего помощника заведующего отделом по металлу

А этот самый, третий?..

А третий переведен как мастер. Нет, как... да да, мастер.

А зарплату получает как кто?

— Зарплату он получает...— Григорий Иванович порылся в папке,— как инженер по трудоемким процессам

— А инженер?..

Он переведен на должность механика по сельхозмашинам,— Григорий Иванович заторопился, боясь, на верно, что я снова перебыю,— механик по сельхозмашинам проведен как заведующий красным уголком, а последний как работник столовой...

— А зарплату? успел вставить я.

— Зарплату получает инженера-конструктора. Только — стоп! Кто же еще получает эту зарплату?.. Петр Петрович! — В дверь заглянул работник бухгалтерии.— Кто у нас получает зарплату инженера-конструктора?

Петр Петрович поскреб небритую бороду

— Одну часть выплачиваем технику по санузлу и дворнику, а вторую, кажись...

— Ступай, ступай!

Григорий Иванович потер лоб, проглотил таблетку и, откинувшись на спинку кресла, закрыл глаза.

— По какой же они должности проведены? нарушил я затянувшееся молчание.

— Кто?

— Техник по санузлу и дворник?

Григорий Иванович медленно поднял веки, долго смотрел на меня, как на новую луну. Взгляд его туманился. Я поерзал на жестком стуле, поднялся и нерешительно направился к двери. Но вспомнив про жену, остановился.

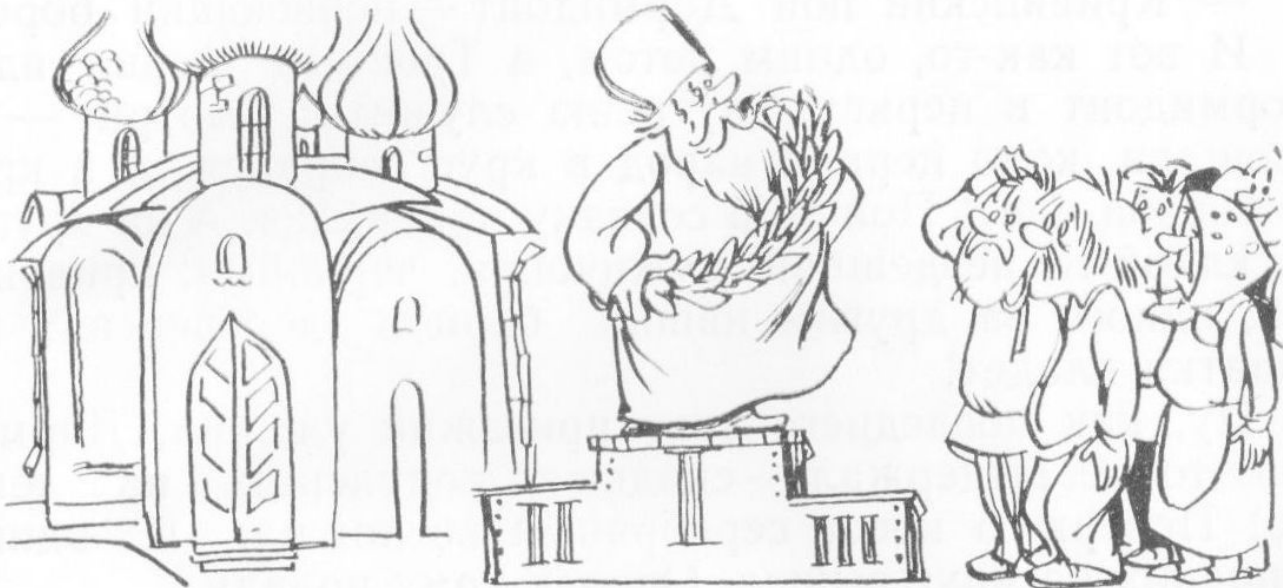
Я-то кто, а? — прокричал я тоскливо.

В кабинете стояла гнетущая тишина.

Ступай, Петренко,— наконец устало и грустно изрек Григорий Иванович...— Ступай с богом, я тут бумажки кой-какие полистаю. Через недельку заглянешь.

Я тихонько прикрыл дверь с той стороны.

Василий Пухначев

Из сибирских бывальщин

Как попа побороли

Сказывать буду как ране у нас в Щегловском да Кузнецком говаривали...

В старо-то время у нас в Кривинском селе поп, отец Дормидонт был... Ну, поп как поп службы церковны, вечерни-заутрени справлял. Бабам, которы нуждаючи, грехи отпущал. Но, только была в ем отличка одна от других-то попов! Наш поп бороться на опоясках или с крюку с мужиками любил! И до того он к этому делу пристрастился, што дело до пресвященного архиерея дошло, до отца Евтихия.

Тот на Дормидонта-то епитимью накладывал обещаю лишить... Да только не мог Дормидонт свою завычку бросить! И, по правде сказать, силенка в ём была. У нас в деревне против попа никто устоять не мог! И шла по округе слава

Кривинский поп Дормидонт первеющий борец!

И вот как-то, одним летом, в Троицын день, идет Дормидонт в церкву, заутреню служить. Смотрит на площади, коло церкви народ в круг собрался. А в кругу борьба идет! Поп-то в середку пробрался. А на кругу-то какой-то нездешний мужичонка, чернявый, кривоногой, одного за другим наших борцов деревенских на лопатки кладет!

Ну, как последнего этот приезжий уложил, Дормидонт-то не выдержал скидывает подрясник, на землю его Поверх-то крест серебряный возложил. В одних исподних на круг вышел. Опояску ему подали...

Схватились этот мужичонка с Дормидонтом, по кругу ходят, прилаживаются... Ну, сколь ходили, ходили и изловчись этот мужичонка, да с левой ноги, с крюку, как подденет попа тот только ногами сбрыкал!

Тут вся площадь загудела

Нашего попа побороли А потом все закричали

До трех разов надо! По справедливости

А Дормидонт-то встал, вроде сам не свой, лицом краснуший с натуги на второй раз пошел. Да только опять поп на лопатках оказался! Таким манером и в третий получилось поборол мужичонка попа

Встал Дормидонт, идет к подряснику, никого не видит, одевается... А мужичонка-то спонял поп не в себе подходит к нему, говорит

Ты прости, батюшка, я ведь по закону, по-борецки споступал...

Тут Дормидонт-то как схватит крест серебряный, замахнулся им на мужичонку и воскричал

Сгинь, нечестивец! А то как меж глазищ ляпну крестом столь ты и жил на свете! Да сам в церкву... Кой-как заутреню отслужил.

Ну, а вскорости Дормидонт от нас в другой приход перебрался.

От позору!

Без понятия

При царском-то прижиме у нас в Пайвинском был волостным старшиной Марковей Анкудиныч Бурматов.

По тем временам назначали старшин-то из богатеющих мужиков. Ну, и Марковей тоже из них был.

Идет, бывало, по улице с батожком, в бобровой шапке, сам собой гладкой, живот-от вперед, а по животу-то цепь, вроде кованая, а на ней-то бляха большушша, власть, значит, обозначала!

Ну, всего множество было у Марковей Анкудиныча и земли, и дворы от добра ломились, и деньжонки важивались...

Только кака беда была у Марковей он в грамоте ниче не понимал. Ни единой буквицы!

Но, обнаковенно, виду об этом не показывал!

И был у него в волостном правлении писарем Парментий Иваныч Савраскин. Вот этот в науках сильно произошел! Правда, был за ним один грешок к казенному извару, к монополке приверженность Парментий имел

И уж до того шутейный мушшина был этот писарь, что после четверти казенки мог он с любой блудницы жития святых написать!

А ежели, бывало, письма кому по родственной части возьмется отписывать или солдаткам пишет, мужьям на службу, так тут уж и вовсе прокурат Парментий был! Все про то знавали, и допреж чем итти к писарю заходили в винополку брали четверть.

Напишет Парментий таки пронзительны слова на бумаге, зачет просителю, рюмочку нальет, пропустит, еще зачет, и сам заплачет! Ну, конечно, и проситель, особо ежели женского полу, тоже заревет!

А Парментий-то, чем боле пропускал вокруг письменности все боле завитушек получалось.

Уж шибко складно выходило!

А Марковой-то Анкудиныч, старшина-то, за науки Парментия хоть и держал при себе, да не шибко ему доверял из-за этой самой чувственности к казенной водке.

Ну, и когда, бывало, приходила из уезда бумага кака с нарочным, в казенном пакете, с сургушной печатью, а ишшо того важней из губернского городу, Марковой Анкудиныч заявлялся в волостное правление. За стол-то усядется, бляху старшинскую на стол возложит.

Парментия писаря насупротив усадит и приказывает подавать казенный пакет. И тут говорит писарю:

— Ты, Парментий, пока я сургушну печать ломаю, бумагу гербову достаю, затыкай перстами уши и будешь мне бумагу по всей громкости на слух читать, про што там прописано. Так-то я все буду знать, а ты про то будешь безо всякого понятия!

Ведь вот как жили!

Сколь верст-то было?

В давни годы, в Нарыме, за Каргоском, сидим мы со писателем Афанасием Коптеловым в селении, в ямской избе. Ждем — ямщики коней перепрягали. Путь-то дальний. На улице морозище!

— Ну, баба-то, хозяйка, пельменьев изварила, строганины изладила...

А хозяин на лавочке сидел, помалкивал — вроде как себя шибко уважал.

А как к столу-то подсяли — Коптелов достават фляжку с горячим делом, казенной водчонкой. Баба хозяйка стопочки гранены подала...

Ну, тут хозяин чё-то крякнул. А как Коптелов стал

стопки наливать, Егор, хозяин-то, к столу подсял. Ему налили. Выпивам. Закусывам. А я возьми и спроси:

— Егор, а сколь верстов-то будет до следующего станка, до селения? А он отвечает:

— Да ране-то десять верст было...

— Как так ране? — спрашивам.

— Так ране-то дедушка ходил десять верст, бабушка бегала десять.

— Так почему десять да десять, ране да ране? — опеть вопрошам.

— Почему да почему! — Егор-то продолжат. — Кой-то год, весной, принес к нам черт землемера... И намерял он, собака, пятнадцать верст! — Вот теперь, всей деревней, пять верст лишних и ходим!

Николай Самохин

Зовите следующего...

Молодой врач Витя Головченко начал прием больных. Он принимал в платной поликлинике по вторникам, четвергам и субботам, с двух часов дня до восьми вечера.

Первым к нему вошел большой толстый мужчина средних лет.

— Раздевайтесь, — сказал Витя.

— Как? — спросил мужчина.

— Как обычно — до пояса.

Мужчина разделся, зябко обхватил руками живот, поросший рыжим волосом, сел.

— На что жалуетесь?

Мужчина сказал, на что жалуется.

— Та-ак... — Витя приступил к измерению давления.

Мужчина со страхом глядел, как Витя обматывает ему руку, словно предстояла немедленная ее ампутация. Но Витя нажал «грушу» — всего-навсего. Мужчина украдкой выдохнул и поднял робкий взгляд на доктора.

— Я извиняюсь, — проговорил он вдруг.

— Ыы? — сказал Витя, не отрывая глаз от шкалы прибора.

— У вас брат на тарной базе не работает?

— Брат?... Нет, не работает. У меня братьев не было — сестры.

— Удивительное дело! — мужчина персзал на стуле. — Удивительное!.. Грузчик там у нас один — ну как две капли воды на вас похож... А может, родственник? Не интересовались?

— Вряд ли, — сказал Витя. — У меня в этом городе никого нет — что же интересоваться.

— Да-а, — покачал головой мужчина. — Совпадение, значит. Двойник, как говорится... Вот интересно, а? — Он философом, оказывается, был. — Живешь, допустим, здесь — ты. Да? А где-нибудь, к примеру, в Ленинграде, точно такой же человек проживает: нос, волосы, глаза — все как у тебя. Не приходило в голову?

— Не приходило... Повернитесь спиной. Дышите.

— А мне приходит другой раз, — продолжал между вдохами мужчина. — А вдруг, думаю, его и звать так же? И фамилия такая? И отчество? Тогда, где же ты, а где он? Как отличить?

— По ботинкам, — сказал Витя.

— А? — не понял мужчина.

— По ботинкам. Он другие ботинки носит. — Витя хлопнул его по спине. — Одевайтесь.

— Разве что по ботинкам? — рассмеялся мужчина и пошел за ширмочку одеваться.

Потом сестра впустила старушку — сухонькую, белоголовую, подслеповатую.

Со старушками Витя долго не церемонился. Выписал ей побольше рецептов, чтобы не обижалась (среди них обидчивые попадают: худо, мол, лечишь), и отпустил с богом.

Старушка пошла было, но у дверей остановилась.

— Сынок, а сынок,— сказала просительно.

— Слушаю, бабуся? — бодро откликнулся Витя.

— Или мне поблазнилось, или я совсем из ума выжила, старая дура... но вот гляжу: вроде это ты ко мне вчера приходил — крант на кухне чинить.

— Да что вы, бабуся! Как это могло быть?

— Вот и я думаю: быть не может. А гляну снова — ты и ты. Вылитый. Только без кепочки... А не брательник твой? Тоже он и конопатенький. Теперь конопатых-то мало осталось...

— Нету у меня братьев, бабушка,— с грустинкой даже сказал Витя.— Один я.

— Ну, выходит, поблазнилось.

— Поблазнилось, бабуся, поблазнилось.

Третьим больным оказался тоже мужчина, но постарше первого. Строгий такой. Высокий. В очках.

— Давно закончили институт, доктор? — спросил он.

— В позапрошлом году, а что? — неохотно ответил Витя.

— М-гу... А братец, стало быть, в строительном учится? Близнецы? Что же он приотстал от вас? По болезни? Или второгодником сидел?

— Какой братец? — изумился Витя.

— То есть... простите. Разве это не ваш брат у нас на кожкомбинате работает? В студенческой бригаде? Они там новый цех строят. Настолько походите, что у меня даже сомнений не возникло.

— Нет у меня никакого брата! — с досадой сказал Витя.— Совсем нет. И не было. Понимаете?

Больной извинился и умолк. В отличие от первого, не стал развивать никаких философий.

Витю же, наоборот, спустя малое время что-то забеспокоило.

— Они что, на практике там — студенты эти? — поинтересовался он.

— На практике, — кивнул больной. — Только, знаете, по-теперешнему. Сколотили плотницкую бригаду и работают.

— Калымят?

— Можно считать.

— Ну и как?

— Что как?

— Как зарабатывают?

— Хорошо зарабатывают, — убежденно сказал больной. — Очень хорошо. Рублей по четыреста в месяц выходит на брата. Ну, правда, и вкалывают, черти! Без перекуров. Бригадир у них — этот... который на вас похож — дисциплинку держит. Де-ержит!

Выпроводив этого больного, Витя распорядился других пока не пускать — устроил себе пятиминутный роздых.

Он чуть приоткрыл окно, закурил.

«Так... — подумал. — Двойник обнаружился. На кожкомбинате. Братец, хм. Второгодничек... Прав был пузатый-то. Вот тебе и «мало конопатых»... Да-а... Вообще-то, в студенческую бригаду устроиться можно. Берут ребята. Взяли же этого аспиранта, как его... имя такое... еще артист есть один... ага! — Савелия же взяли... Но тогда где-то надо будет бросать — или на тарной, или в домоуправлении. Лучше на тарной — туда добираться далеко... Хх-а! старушка эта... Думал, уж трешку вчерашнюю назад потребует... Ну, хорошо, брошу на тарной — и что? У студентов этих дисциплина — жмут, поди, от темна до темна. А как тогда приемы?.. Хорошо Леньке: нанялись с другом железнодорожный пост покрасить, попарились полтора месяца — и по три тыщи в кармане. Пол «жигуленка» есть!.. Да-а, Леньке что —

он педагог, у него отпуск два с половиной месяца. А тут!.. Нет, надо держаться за старые места. И нечего рыпаться. Вот чертова профессия, а? Уговаривал же Ленька в педагогический податься. Еще как уговаривал, дурак!..»

Витя выбросил за окно окурок, вернулся к столу и сердито сказал сестре:

— Зовите следующего.

Особые приметы

Дверь в мою квартиру почему-то была приоткрыта. «Что за дьявольщина!— всполошился я, нащупывая в кармане ключ.— Ведь закрыл же на два оборота — как сейчас помню. Еще вернулся и подергал. Ох, эти новые квартиры с их замками-близнецами!»

...Посреди моей комнаты стоял веселый гражданин и, широко разевая рот, пел:

— Среди до-ли-и-ны ров-ные!..

— Вот это мило!— прервал я его.— Забрались в чужую квартиру, да еще и концерты устраиваете!

— Не-ет,— добродушно разулыбался мужчина.— Это моя квартира. Во — примета! — И он ткнул ногой в совмещенное сооружение.

— Ну, это положим,— сказал я.— Примета! У меня точно такой же. То есть, я хочу сказать, что у вас, видимо, точно такой же, а этот мой.

— Не-ет,— покачал головой незнакомец.— У меня с секретом.— И потянул за цепочку.

— Ложись!— не своим голосом крикнул я и сделал прыжок в сторону.

Но было поздно. Унитаз издал львиный рык, лязгнула крышка бачка, и на нас обрушилось ведра полтора воды.

— Видали! — радостно подмигнул мужчина. — Третий день обмываю.

— Черта с два! — сказал я, выжимая шляпу. — Черта с два! Это я третий день бьюсь с ним, проклятым!

Он смешался, но только на секунду, а потом снова перешел в наступление.

— А накатик?! — и, нетвердо ступая, потащил меня в комнату. — Накатик!! — повторил он, широким жестом обводя стены, покрытые капустными вилками кровавого цвета.

— А лампочка?! — он повернул выключатель.

Лампочка замигала, как проблесковый маяк.

— Вот что, приятель! — не на шутку рассердился я. — Хватит дурака валять! Мои это стены, будь они прокляты! И лампочка, чтоб ей треснуть, моя! И унитаз, подавиться ему, — тоже! Так что давай освобождай помещение!.. Двигай, говорят!

— А-а.. — замычал он.

— Бе-е! — передразнил я. — Крой отсюда, оккупант! А то плохо будет!

Упираясь плечом в его живот, я вытеснил наглеца в коридор и запер дверь.

Он постоял на площадке. Потом крикнул:

— Эй! А номер-то мой!

— Гуляй, друг! — сказал я. — Проваливай! На вытрезвителе свой номер поищи!..

...Среди ночи кто-то позвонил у моей двери. Я выглянул. Это был оккупант — синий, трезвый, подёрнувшийся инеем.

— Опять? — нахмурился я.

— Извините, — вежливо сказал он, стуча зубами. — Я вроде нашел свою квартиру, но там какой-то человек.

— А я при чем?

— Он говорит, что это его квартира.

— Выставить — и весь разговор!

— Понимаете, — развел руками мужчина. — У него приметы. Очень убедительные. — Он заикнулся. — Мне бы только до утра. Не откажите, а?

— Ладно, — сказал я. — Но без этого самого. И ляжете на пол. У меня только раскладушка...

Поднялся «оккупант» рано. Он все ходил по комнате, хмыкал и негромко повторял: «Странно, странно...»

— Что вам странно? — не выдержал я.

— Вот здесь я позавчера гвоздь забивал. Видите, дыра в кухню сквозная?

— Это моя дыра! — раздраженно сказал я. — Я забивал гвоздь!

— И шпингалет оторван, — пробормотал он.

— Ха! — отбросил я одеяло. — Конечно, оторван! Еще бы ему не оторваться! Он полетел, когда я втаскивал через окно стол. Эти круглые немецкие столы...

— У вас чехословацкий, — тихо сказал он.

— Да нет же, немецкий.

— Скажите, пожалуйста! — удивился он. — А ведь как чехословацкий! У меня точно такой же.

Я присмотрелся к столу. Потом натянул брюки и обошел его вокруг. Потом спросил:

— Послушайте, вам, собственно, какая улица нужна?

— Первая Новоцементная.

— Фу ты, господи! — рассмеялся я. — А это Вторая...

— Это Первая, — вздохнул он, — Первая Новоцементная, дом тринадцать, квартира пятьдесят шесть.

— Да, — сказал я и потянул с вешалки пальто. — Очень может быть... Эти типовые дома...

— Эта свободная планировка! — сочувственно откликнулся он.

— Скажите, — я задержался на пороге. — А что там за приметы у этого... который в вашей квартире?

Хулиган

Мы с Жорой сидели на скамейке в городском сквере и рассматривали прохожих. И тут он к нам подсшел. У него была рыжая челка и клеши тридцать восемь сантиметров.

— Чо уставился?— спросил он.— Узнал, да?

— Нет, не узнал,— ответил я.— Почему я должен вас узнавать?

— Не узнаешь, падло!— сказал он.— Богатый стал, да? Умный?!

Я подумал, что с людьми, обладающими такой стремительной логикой, не следует вступать в дискуссию, и промолчал.

— Молчишь, фраер!— нехорошо усмехнулся он.— Разговаривать не хочешь? За человека не считаешь, да?!

Я пожал плечами.

— У-у, стилига!— сказал он и взял меня за галстук.

Я подумал, что могу очень просто сбить его. Нижним справа в солнечное сплетение, а потом левым крюком в угол челюсти. У меня отличный левый крюк. Нокаутирующий. Почти королевский. Всем корпусом, отрывая левую ногу. Тренер всегда хвалит. Рыжий так и покажется по дорожке.

Как только я представил такую картину, мне стало вовсе нестрашно. Даже весело. Любопытно смотреть, что он еще выкинет.

— Инженера, да?— сказал он, повернувшись к Жоре.— Синус-косинус? Да я вас могу со штиблетами купить. Во, видел!— и он достал из кармана пиджака мятую гроздь винограда.

— Ешь!— крикнул он, сунув виноград под нос Жоре.— Закусывай! Налетай— подешевело!

Жора с возмущением отвернулся.

— Брезгуешь, да?! — сказал рыжий. — Заелся, гад! Лопай! Ну! Нажимай на витамины!

Он раздавил гроздь о Жорин подбородок. Потом ударил меня по уху. Два раза. Не очень сильно. Разве так бьют! Бить надо нижним справа и добавлять левым крюком. По-королевски.

Хулиган еще немножко попинал Жору, запел про ландыши и пошел в сторону проспекта.

— Вот экземпляр, — сказал Жора, отряхивая пиджак. — Испортил все настроение.

— Главное, противно, — сказал я. — Морально тяжело наблюдать таких типов.

В голове у меня шумело. Кажется, он все-таки повредил мне барабанную перепонку.

Фиаско

Я человек не грубый. Во всяком случае, знаю интегральное исчисление, легко сужу о классической и современной поэзии, о теории относительности Эйнштейна и ультразвуке. Могу ввернуть в разговоре какое-нибудь словечко, вроде «консонанс» и не растеряюсь, если при мне упомянут о Ван Гоге или Чюрлёнисе.

Словом, в своем кругу я давно завоевал репутацию тонкого и остроумного собеседника.

И вот я, со своей эрудицией и утонченностью, самым преэлементарнейшим образом сел в лужу.

Был вечер. Над деревьями парка висела луна. Чуть пониже висели фонари, чуть повыше — звезды.

А на скамейке сидела девушка. Я взглянул на нее — и наши институтские интеллектуалки с их ироническим подтекстом и психоанализом показались жалкими кривляками.

«Познакомлюсь, — решил я. — Конечно, она глу-

пенькая, это видно за десять шагов. Но ничего — я подтяну ее до своего уровня. Она станет умной и в то же время не успеет заразиться этой нашей «антеллигентской гнилотью».

— Добрый вечер! — как можно проще сказал я, опускаясь на скамейку.

— Салютик! — прыснула девушка.

«Ах, милое и непосредственное дитя асфальтовых прерий!» — растрогался я и проговорил:

— Как это замечательно, когда совершенно незнакомые люди могут приветствовать друг друга вот такими словами: «Добрый вечер!» Не правда ли?

— Эй! — настороженно сказала дитя. — Ты ко всем так привязываешься?

Я растерялся... Сказать, что не ко всем — может обидеться: «Ах, значит, только ко мне!» Ответить: «ко всем» — хорошо же я буду выглядеть?!

— Э-э-э, — сказал я. — Ммэ-э...

Пока я мычал, из боковой аллейки вывернулся парень в простроченных джинсах. Он лениво выплюнул сигарету и, почти не глядя на мою собеседницу, позвал:

— Цып-цып-цып, крошка!

Красотка встала и пошла за ним, как овечка.

Я разинул рот... Я сравнил свое джентльменское обращение с этим небрежным «цып-цып-цып» и не мог понять, в чем преимущество моего соперника.

А между тем крошка уже повисла на руке неожиданного кавалера.

Тогда я догнал их, отозвал парня в сторону и спросил:

— Скажи, брат, ты со всеми так... знакомишься?

— А чо с ними чикаться! — осклабился он.

«Как это просто и мудро, — думал я, шагая по желтой парковой дорожке. — Именно «цып-цып-цып». Вот она, первозданная жизнь, которую мы заморочили философией и распяли на кресте сомнений...»

Впереди показалась еще одна скамейка. На ней сидела девушка. Она была точно такая же, как и первая. С таким же начесом, на таких же платформах, с такими же продолговатыми глазами.

Ну, теперь-то я знал, как надо действовать.

Я плюнул сигаретой в прохожего и сказал:

— Кис-кис-кис, дуся!

Девушка подошла.

— Интересно, вы со всеми так... знакомитесь? — спросила она, раскрыв баклажанный ротик.

— Брось выламываться, рыбка! — сказал я. — Давай прошвырнемся.

— Прошвырнемся? — переспросила девушка. — Ну, давайте. — Она отважно взяла меня под руку. — А куда?

О черт! Я оглянулся. Парня в строченых брюках поблизости не было. Предстояло выкарабкиваться самому. Куда же их водят?..

— В кабак! — припомнил я. — Промочим горло!

— А может, прошвырнемся на симфонический концерт? — сказала девица.

Хм... Симфонический концерт предусматривался в моей просветительной программе последним номером. Ну что же — начнем с концерта, раз предмет слепо идет в ловушку.

Для порядка я еще покапризничал.

— Драбадан! — лихо сказал я. — Муть голубая... Ну, пойдем, подремлем, если птичке хочется.

...В театре я наконец все понял.

— Пустите, — глухо сказал я, когда мы вышли на улицу. — Честное слово, больше не буду.

— Не-ет, — проворковала птичка, цепко держа меня за локоть. — Ты мой прекрасный дикарь. Ты — дитя каменных джунглей. Теперь я возьмусь за твое образование. Скоро ты станешь совсем хорошим мальчиком. Вот увидишь...

Повесть о том, как один генерал двух мужиков не смог прокормить

Жил-был на свете генерал — из молодых, да ранний. Служил он по инженерному ведомству — и до генеральского чина дошел исключительно благодаря способностям. Шутка ли: две академии закончил, докторскую диссертацию защитил. Большой, то есть, образованности был человек. Но — легкомысленный. С идеями. Со своими подчиненными за ручку здоровался, ко всем, без исключения, обязательно на «вы» обращался. «Вы, — скажет, бывало, — рядовой такой-то, позвольте вам заметить»... Это рядовому-то — «позвольте вам заметить»!

И вот из-за легкомыслия попал этот генерал в нелепую историю.

Понадобилось ему собственную генеральскую квартиру отремонтировать: потолки там побелить, зашпаклевать кой-чего, панели покрасить, обои переклеить. Поделился он этой своей заботой с адъютантом майором Хверапонтовым. Майор Хверапонтов, наоборот, старый был служака, в традициях воспитанный. Он всяких генералов за свой век насмотрелся, привык мысли ихние на лету подхватывать. Достал он тут же блокнотик, очки железные на носу укрепил, черкнул раз-другой карандашиком и докладывает:

— На это дело, товарищ генерал, потребуется ровно четыре человека. Разрешите, завтра я занаряжу сержанта Головки с тремя орлами — они вам за сутки квартирку обделают как яичко.

Генерал аж вспыхнул весь, услышав такие слова.

— Что вы, Иван Прохорович! — говорит. — Я с вами не преднамеренно поделился, а по-человечески. Зачем же вы так? Ни в коем случае не делайте этого! Я не позволю! Вам мои принципы должны быть известны.

А он, правда, принципы на этот счет имел и крепко за них держался. Он даже собственного шофера строго по расписанию использовал: на службу ехать — со службы возвратиться. А чтобы на рыбалку с ним в воскресенье отправиться или откомандировать его в распоряжение генеральши — боже упаси. Этот шофер, между прочим, пока у него служил, кандидатский минимум успел сдать и два иностранных языка выучил.

Словом, отказался генерал. Наотрез.

Решил обычным путем действовать.

Обычным путем — известно как. Вышел этот легкомысленный генерал после службы на базарную площадь, глянул туда-сюда из-под руки — и видит: стоят в сторонке два вроде подходящих мужика. Комбинезоны на них краской заляпаны, в руках — кисти малярные, ведра. Стоят — забор подпирают, папиросками дымят, сквозь зубы поплевывают.

Генерал к ним: так, мол, и так — не возьметесь ли, ребята, квартиру отремонтировать? И если возьметесь, то сколько это будет стоить?

Старший из мужиков папироску затоптал, на генеральские лампасы покосился и говорит:

— У вас, поди, квартира-то в полногабаритном доме, четырехкомнатная?

— В полногабаритном, — отвечает генерал. — Четырехкомнатная. Угадали.

— В полногабаритном потолки высокие, — раздумчиво щурится мужик. — До них кистью не дотянешься. Без козел. А с козлами, значит, четыреста рублей встанет.

Генерал стушевался маленько.

— Я,— говорит,— вообще-то триста определил... для себя.

— Для себя — пожалуйста. Для себя, извиняюсь, можете хоть за пол-литра. А у нас по триста только малогабаритки идут.

— Ну, что ж, четыреста так четыреста,— согласился генерал.— Пошли, значит, смотреть.

Явились они на квартиру — генеральша их, по русскому обычаю, сразу за стол. Она уж заранее приготовилась мастеров встречать: новый передничек надела, клеенчатый, с нарисованными на нем Чебурашками, бегаает из кухни к столу, сияет вся. Как же! Дождались своего часа.

Сели мужики за стол, а к генеральшиным разносам не притрагиваются. Сидят — покашливают, вздыхают, ложками на скатерти крендели чертят — мнутя, одним словом.

Генеральша первая сообразила, в чем тут дело — мигнула мужу. Генерал сходил на кухню, возвратился с бутылочкой Греми, отпитой примерно на палец.

— Во,— говорит,— не знаю, как на ваш вкус, но другого, к сожалению, не имею.

Младший мужик заволновался, стал толкать старшего локтем, шептать:

— Дядь Вась, а дядь Вась!.. Это же вроде коньяк? Он же клопами воняет. Как его пить-то, заразу?

— Вы, товарищ генерал, его не слушайте,— повеселевшим голосом сказал старший мужик.— Он только недавно из деревни. Темный еще... Эх ты, чернозем! Клопа-ами! Это когда он клопами-то пахнул? Когда в прежней цене был. А теперь его отучили пахнуть. Верно я гсворю, товарищ генерал?..

Выпили мужики генеральский коньяк, съели ужин, задаток получили, велели хозяевам мебель из двух комнат спихнуть пока в две другие, полы старыми газетами

застелить — приготовить, словом, фронт работ на завтрашний день — и ушли.

На другой день, в условленный час, заявляется один старший мужик — дядя Вася. Сел он посреди пустой комнаты на перевернутое ведро, скорбно высморкался и говорит:

— Санька-то, а?.. Вот ведь молокосос...

— Да что такое? — встревожился генерал.

— Что-что! — махнул рукой дядя Вася. — Деревня — она и есть деревня... Говорил ему вчера, когда от вас ушли: не пей, говорю, вермута. Выпей лучше яблочного — оно чище. А вермут с коньяком не сцепляется. Дак разве его уговоришь!.. Теперь вот лежит пластом — какой с него работник... Лечить надо парня, товарищ генерал. На ноги ставить.

— Так чего же не лечите — раз надо?

— Затем и пришел, — поднялся дядя Вася. — Ваш он теперь работник — с вас и на лечение... Эх, вот тоже с водкой с этой удумали! Раньше бы на такое дело тройки за глаза хватило. А теперь вот три шестьдесят два надо. С закуской — клади всю пятерку. Неудобно даже перед людьми, честное слово.

У генерала мелких не оказалось, дал он дяде Васе четвертную.

— Только уж вы побыстрее на ноги его ставьте, — попросил. — А то — сами видите — в квартире разгром...

На третий день один Санька заявился.

— Дядя-то Вася, а? — сказал он. — Это надо же... меня вылечил, а сам слег... А ведь говорил я ему: дядя Вася, не пей ты эту полинку. Не пей! И так у вас в городе воздух чижолый...

— Какую такую Полинку? — спросил генерал.

— Во! Не знаете, что ли? — изумился Санька. — Политиру-то знаете?.. Ну и ну!.. Вот она, товарищ генерал, дядю Васю и свалила... Надо бы подлечить мужика. На ноги поставить.

Выдал генерал Саньке десятку. Строго наказал: завтра без дяди Васи не являться.

На четвертый день, и правда, пришли мужики вдвоем. Только дядя Вася — крючком согнутый. Мелкими шажками семенит и за поясицу держится.

— Перелечил, — говорит, — сукин кот, Санька, на другой бок. Заставь дурака богу молиться — он лоб расшибет. Как теперь буду кистью орудовать, если даже глаз к потолку поднять не могу?

Генеральша дядю Васю спрашивает: может, змеиный яд вам поясицу облегчит?

— Это солнцедар, что ли? Не-ет... солнцедар в таком случае не прошибет. Не та сила. Вот, если бы денатурату... Или хоть обыкновенную — за три шестьдесят две.

— Да я сбегаю, — вызвался Санька.

Сбегал он в магазин, принес бутылку за три шестьдесят две, грамм сто пятьдесят сам принял, остальное дяде Васе выпоил. И что вы думаете? Распрямился мужик!

Распрямитесь-то распрямился, но ударило ему в другую область — равновесие потерял. Ходит по комнате, за стенки хватается, обои ногтями царапает... Прямо беда.

— Нет, Иришенька, надо их на казарменное положение переводить, — сказал генерал жене после этого случая. — Иначе все прахом пойдет.

Перевели мужиков на казарменное положение. Генерал им альтернативу поставил: или на казарменное — или задаток назад. А где его возьмешь, задаток-то. Его уж давно тю-тю! Что женам ушло, что — на лечение. Генеральской-то надбавки им не хватало. Поскребли мужики затылки, повздыхали, — согласились. Правда, выторговали себе приварок и винную порцию.

Раскинула им генеральша две раскладушки в дальней комнате — и зажили они бивуачно.

День живут, другой, третий. Едят за четверых, пьют за семерых, работают за полчеловека. Но все же работают.

Не как раньше, когда на вольном режиме были.

Генеральша на кухне обосновалась. Варит, жарит, печет день-деньской. Тут же на кухне и ночевать приспособилась. Заберется в кресло, калачиком свернется, ноги пледом прикроет — много ли ей места надо?

Иногда, по вечерам, дядя Вася, если не сильно пьяный случался, приходил к ней на кухню — побеседовать.

— Отчего народ пьет, Викторовна? — спросит. Помолчит, да сам и ответит: — Атмосферу чувствует.

Но больше они с подсобником разговоры вели. Махнет, допустим, дядя Вася кистью разок-другой, остановится, папироску закурит и задумается.

— Александр! Ну-ка, напомни — что-то у меня отшибло — сколько у нас в пивной в ящик бутылок входит: двадцать или двадцать пять?

Санька, в свою очередь, лоб наморщит:

— Двадцать пять, однако... Или двадцать?.. Я, дядь Вась, никогда ящиками не покупал. Я за один раз больше двенадцати бутылок не выпиваю...

В другой раз Санька беседу завяжет:

— Вот, дядь Вась, рассказывал мне свояк про мужика одного, который сроду капли в рот не брал, а каждый день косою ходил в дугу.

— Как так?

— А так. Возьмет, с утра палку дрожжей проглотит, килограмм сахару-песку съест, чайник воды выпьет — и через два часа у него в кишках самогонка.

— Хех ты! Свой, значит, змеевик-то?

— Ну да.

Так вот и жили.

Генерал окончательно переселился на службу. Ночевал он теперь в своем кабинете, на диванчике. Обеды

ему в большом термосе шофер возил. Генеральша мужу записочки присылала: «Извини, милый, суп сегодня овощной — на мясо не хватает денег... Как ты посмотришь, если я твой штатский костюм, бостоновый, отнесу в комиссионку? Все равно он не модный — у него брюки, если помнишь, зауженные, а теперь расклешенные носят...»

Только к концу месяца не выдержала она, голубка, разлуки — захотелось ей взглянуть на своего сокола. Поехала генеральша к мужу лично. Схватились они за ручки, сироты бедные, смотрят друг на дружку — и не узнают: генеральша худенькая стала, как девочка, на бледных щеках румянец играет нездоровый; у генерала глаза запали и седины в голове поприбавилось.

Заплакала генеральша горькими слезами и говорит: — Давай, милый, отпустим их. Не надо мне больше ни паркетов, ни накатов. Мне твое здоровье дороже.

— Отпускай, Иришенька, — благословил ее генерал. — Гори он синим огнем — и задаток этот и прочие расходы. Как-нибудь не пропадем. Все же я генерал пока, и оклад у меня приличный. Заработаю.

Попыталась генеральша этим же вечером отпустить мужиков с миром — да не тут-то было. Не только генерал с принципом-то оказался. И у дяди Васи свои нашлись.

— Нет, Викторевна, это не дело, — сказал он твердо. — Раз деньги уплочены, должны мы, собачьи дети, все до конца довести. И ты уж нам, Викторевна, потачки не давай...

Вот тогда-то генерал и сломался окончательно — пошел на отчаянные меры: вызвал он к себе майора Хверапонтова и сказал:

— Делай что-нибудь, Иван Прохорович. Не могу больше. Разорят. По миру пустят.

И майор Хверапонтов, Иван Прохорович, провел операцию. Блестящую, прямо скажем. Генерала, учитывая

его травмированность, он в дело посвящать не стал — сговорился с генеральшей. Выделил ей из своих сбережений денег, велел закупить восемь бутылок стрелецкой, полведра пива, ведро картошки и малосольных огурчиков. Генеральша все сделала, как он велел, и объявила мужикам выходной день. Так и сказала: «Сегодня гуляйте». И когда мужики, после стрелецкой с пивом, попадали (знал старый служака, что посоветовать!), махнула с балкона белым платочком — знак подала.

Доблестный сержант Головко, который явился уже не с тремя, а с шестью помощниками, взял генеральскую квартиру «на шпагу». Обеспамятевших дядю Васю и Саньку орлы его покидали в бортовую машину и на большой скорости увезли в неизвестном направлении.

...Утром проснулись мужики — как ничего и не было: ни генерала, ни генеральши, ни казарменного положения. Тот же заборчик облупленный. К заборчику кисти прислонены. Рядом они сами лежат — валетом. Перед глазами площадь знакомая простирается. Головы, как всегда, с похмелья болят.

Только над головою деревья не зелеными, а желтыми листочками пошевеливают...

Что же касается до генерала, он после этой истории совсем другим человеком сделался. Оставил легкомыслие-то свое. Пересмотрел. Теперь уж он подчиненным «Вы» не говорит — до подполковничьего чина включительно. И в голосе генеральская раскатистость появилась, на букву «р» стал нажимать. Особенно, когда раскалится да начнет слова произносить, которых от него раньше слухом не слыхали.

Майор Хверапонтов, старый служака, эти перемены в генерале одобряет.

Шофер же генеральский, который в заочной аспирантуре учится, — не шибко. И понятно почему. Он теперь свои конспекты от генерала прячет и даже за баранкой по стойке «смирно» сидит,

Железная рука

Познакомились мы в автобусе.

Я опустил в билетный аппарат пятак, крутнул ручку — никаких последствий. Крутнул второй раз, третий — тот же результат.

Предстояло ехать зайцем.

— Товарищи, — обратился я к соседям. — Скажете, в случае чего?

— Скажем, скажем, — пообещали товарищи. — Стой спокойно.

Потом к аппарату протиснулась бабушка. Ее не успели предупредить, она бросила пятак — и тоже не получила билета. Бабушка загоревала, затарабанила по аппарату сухоньким кулачком. Но металлический живоглот издевательски молчал.

Дело происходило на задней площадке, и мы стали просить впереди стоящих: передайте, мол, водителю — касса-то у него не работает.

— А ну-ка, пропустите! — раздался сзади строгий голос.

Человека я рассмотреть не успел, увидел только широкую спину, туго обтянутую нейлоновой рубашкой. Он коротко замахнулся и снизу вверх, апперкотом, крепко двинул аппарату в «подбородок».

— Вот так надо, — сказал. — Прошу.

После чего аппарат оторвал билеты — и мне, и бабушке, и еще одной даме, которая вовсе ничего не бросила.

Вылезли мы с ним на одной остановке. То есть, я сперва не заметил, что и он тоже вылез.

Жара на улице была оглушительная. Я подошел к автомату для газводы, сунул в щель три копейки. Автомат подрожал, всхлипнул, но воды не отпустил.

И тут кто-то отодвинул меня плечом:

— Бастует халява?

Оказалось, тот самый, автобусный парень. Он развернулся и нанес автомату страшный удар! В боксе такой удар называется свинт. Если на него нарвешься — все: заказывай гроб.

Автомат натужно крикнул, из всех его дырок сразу хлынула вода. С тройным сиропом.

Дальше мы пошли вместе — оказалось по пути.

Парень шагал крупно, торопился.

— Футбол сегодня, — объяснил он на ходу. — Наши с кемеровчанами.

— Ага, — семеня рядом, закивал я. — Тоже вот хотел посмотреть, да куда там. Еще позавчера билеты расхватывали.

— Так ведь транслируют.

— Транслируют. А где посмотришь-то? — (телевизора у меня тогда еще не было).

— Ладно, студент, — сказал он. — Идем ко мне — составишь компанию... Только учти — без керосина. Этого не держу — не рассчитывай.

Заявились мы не вовремя. Жена его как раз затеяла стирку. Стирала она в ванной, но грязное белье вылезло аж в узкий коридорчик.

Я затоптался было в нерешительности, но хозяин сердито пхнул ногой шмотки:

— Развела тут!..

— Так я же не знала! — виновато отозвалась из ванной жена.

— А надо знать! — жестко сказал парень. — Закрой хоть дверь поплотнее. А то будешь... трещать.

«Болел» он сурово, каменно. Сидел, посунувшись вперед, и молчал. Мне то хотелось вскочить, то заорать, но я удерживал руками прыгающие колени — терпел.

Из ванной доносилось мерное гудение машины. Потом смолкло.

— Петя! — жалобно позвала жена.

— Чего тебе?

— Да опять...

— погоди — тайм закончится.

Закончился первый тайм — и хозяин в ванную. Я думал, он возьмет отвертку, плоскогубцы, провозюкается там весь перерыв. Ничего подобного. «Бум!» — донеслось из ванной, и машина вновь загудела.

Перерыв кончился, пошел второй тайм.

Наши отыгрывались. Левый крайний, Петраченко, превосходил себя. Уже два раза его сносили почти к штрафной площадке. Еще бы полметра — и пенальти. Но — не везло мужику.

В один из моментов, когда Петраченко снова отчаянно рвался по краю, чтобы сделать прострел, экран вдруг заполосовал.

— У, тунеядец! — сказал хозяин, поднялся и — словно молотом по наковальне — ахнул телевизору по кумполу.

Экран тут же очистился. Мы даже успели посмотреть, как набежавший защитник Салов, с подачи Петраченко, головой вколотил мяч в «девятку»...

Теперь он большой начальник. Крупный руководитель чего-то там. Время от времени мы встречаемся на собраниях или активах. Обычно он сидит в президиуме, открытый всем взорам. Но почему-то я вижу только его челюсть — крепкую, тяжелую, уверенную. И все не могу поймать глаза.

Глаза его я так и не запомнил.

Какие они?

Юрий Соломонов

Вот змий!

— Адам,— ласково спросила Ева,— хочешь яблок, Адам?

— Да,— тихо ответил он, радуясь и удивляясь теплоте прикосновению женской ладони.

— Тогда пойдем, милый...

Они долго шли по райскому лесу, пока не подошли к тому самому знаменитому Древу Познания Добра и Зла.

Под деревом сидел веселый смуглый брюнет с зазывной улыбкой и широкой фуражкой на голове. Вокруг него стояли ящики с плодами и висела табличка: «Яблоку запретный. 3 руб.».

Вот змий!..

Живут же люди!

Всевышний был очень разгневан:

— Так! Без меня, значит, запретные яблочки?! Не спросив, не посоветовавшись! А я их, может быть, к празднику, чтобы всем вместе, сообща. Ну вот что, Адам, бери свою Еву, Змия и — айда отсюда! Куда хочешь, вот так! Хоть на Землю! Посмотрю я, как вы там без меня управитесь!

Тихо сразу стало в раю, как-то неуютно. Не слышно Евы с ее серебристым смехом, не зайдет Адам поговорить о футболе...

Бредет Всевышний по райскому саду, сорвет одно яблоко, откусит... Выплюнет. Сорвет другое... А потом нет-нет да и глянет в сторону Земли, где в радостях и горестях, в мире и войнах живут, рождаются и умирают потомки Адама и Евы. Глянет и вздохнет:

«Живут же люди!»

Закон Архимеда

Архимед медленно опустился в ванну. Повернул один кран, другой — воды не было.

То ли от злости, то ли от холода Архимеду вдруг пришла в голову забавная мысль: «На тело, погруженное в жидкость, действует выталкивающая сила... Как только появится вода, обязательно проверю!»

Дали воду. Стало тепло и покойно. Вспомнились море, горячий песок, женщины. Архимед блаженно прищурился. Хотелось вздремнуть и не хотелось никаких открытий.

Архимед был уже больше не Архимед.

В ванне лежало «тело, погруженное в жидкость...»

Однажды...

— Так как все же? — поеживаясь, спросил Цезарь. — Переходить Рубикон или не переходить?

Лица, приближенные к императору, тоскливо переминались с ноги на ногу.

— Молчите? — хмыкнул Цезарь. — Ну что же, бросим жребий.

Он вынул блестящую монетку и подбросил ее высоко над головой. Монетка, описав дугу, плюхнулась в Рубикон.

— За мной! — призывно крикнул император, бросаясь в холодные воды.

На другом берегу армия сделала привал.

— Ну вот, — озабоченно вздыхал Цезарь. — И жребий брошен, и Рубикон перейден. А монетка как в воду канула. Нет, отдохнем — попробую прочесать еще раз. Рубикон высушу — найду!

Невидимый миру Серегин

Серегин стал невидимым в среду, в половине седьмого вечера. Это случилось, когда они с Гришей Мыловым обмывали премию в кафе «Солнышко». Серегин сказал: «Ну, Гриша, давай еще по одной», и выпил первым. Тут он и исчез.

Гриша тогда начал хлопать своими длинными ресницами и озираться по сторонам. Но Серегина видно не было. В это время к их столику подошел какой-то гражданин и спросил у Гриши Мылова разрешения присесть.

— Разве вы не видите, что здесь человек сидит? — подал со стула свой голос невидимый миру Серегин.

Гражданин вздрогнул и сказал:

— Мест в кафе нет, а они дурака валяют...

Он ушел, а Гриша спросил испуганным голосом:

— Чего это с тобой, Серегин? Гипноз что ли?

— Да нет, не похоже,—ответил Серегин,— гипноз — это когда спать хочется, а я ничего...

— Перепил,— заверил Мылов,— к утру пройдет.

— Я домой пойду,— загрустил вдруг Серегин.— Только ты больше не пей, ладно? Исчезнешь — официантка подумает, что ушли, не рассчитались. Нехорошо.

И он двинулся по залу, расталкивая танцующих своими невидимыми плечами.

Когда жена все узнала, она спросила:

— Так мне как теперь считать — пришел ты домой или нет тебя?

— Да здесь же я,— обиделся он,— что ты в самом деле все передергиваешь.

— А в гости к Васюковым в воскресенье как мне идти? Нас ведь двоих приглашали. Получается, что вроде есть муж и нет мужа. Кто же я теперь, Серегин? Вдова?

— Ты мне на психику не дави,— ответил он,— не виноват я, что так получилось. Не хотел. Да, может быть, к утру все пройдет...

Но к утру ничего не прошло.

Когда Серегин пришел на работу и, как всегда, устроился за своим письменным столом, он услышал, как кто-то сказал:

— Что-то с Серегиным нашим стряслось? Никогда раньше не опаздывал...

— А я его вчера с Мыловым видел в кафе. Вот он, наверное, с похмелья и проспал,— хихикнул Юзин, с которым Серегин любил ходить на футбол.

— Ему все равно это сойдет с рук,— добавил Козлов, которому Серегин прошлым летом помогал строить дачу,— они с завом как-то связаны...

— Ребята,— сказал тихий Сидоров, которого Серегин почему-то недолюбливал,— нельзя же так. У человека, может, несчастье, а вы его бог знает в чем упрекаете...

Серегин не выдержал и подал голос:

— Товарищи, вы не правы. Я некоторым образом, можно сказать, на работе. Просто маленькая неприятность... Со вчерашнего вечера просматриваюсь насквозь.

Тишину прервал Гуськин, младший техник:

— Счастливый,— сказал он,— теперь в разведку заберут.

— Не заберут,— убежденно возразил Фокин,— а если у него во время задания все кончится... Ты как себя, Серегин, невидимым прочно чувствуешь?

— Прочно,— со вздохом ответил тот и пошел к заведующему.

Заведующий отделом долго и внимательно вслушивался в то, что рассказывал ему невидимый Серегин, потом сказал:

— Что же ты нам предлагаешь?

Серегин смутился:

— Я ничего не предлагаю. Я зашел, так сказать, во избежание прогула. Удостоверить вас, что я на работе и впредь буду посещать...

— Ну, знаешь...— заведующий покраснел,— как мы сейчас можем удостоверить, что ты на работе?

— Так вот он я,— Серегин сдвинул календарь на столе заведующего.

Заведующий возвратил календарь на прежнее место и спросил:

— А если комиссия? Кому, спросят, зарплату платите?

Серегин хлопнул дверью.

Весь день он в поте лица рассчитывал проект. Сослуживцы его, естественно, не замечали. Лишь один раз

подходил Козлов и спрашивал, не Серегин ли спер с шахматной доски в курилке ферзя.

К вечеру Серегин пришел снова к заведующему.

— Вот,— сказал он,— пожалуйста, любуйтесь. Проект посчитан от корки до корки. За один день! А вы говорите, меня на работе нет!

Заведующий смутился:

— Не то что нет. Может быть, вы и есть, но вас ведь никто не видит? Верно?

— Смотреть лучше надо,— заорал Серегин, вырывая у него бумаги.

За следующий день он начертил чертежи к проекту.

Его по-прежнему не замечали.

От нечего делать Серегин занялся перечитыванием одной документации и пришел к неожиданному выводу.

— Вот,— объявил он всем,— смотрите! Я сделал открытие!

— То, что вы предлагаете,— сказал заведующий,— действительно великолепно! Но вот беда — вчера мы вас уволили за прогулы.

Серегин очень обиделся и пошел домой. Там ждала его жена. Она сказала:

— Я больше так не могу, Серегин. Вчера мне встретился в жизни один человек... Он, конечно, не такой талантливый, как ты, не такой добрый, но у него есть хорошие качества. Его, например, в отличие от тебя, видно. Понимаешь, он заметный человек. Он есть. С ним в люди выйти можно.

— Понимаю,— ответил Серегин.— Чего проще...

Жена ушла через две недели. Через месяц в печати появилось сообщение о новой конструкции машины, придуманной в институте, где работал Серегин.

Он узнал свою идею, но в авторах изобретения не числился.

«Что же,— думал он,— не может же быть автором идеи человек, который невидим для остальных».

Он пошел в злополучное кафе «Солнышко», но свободных мест не было. На крылечке стоял какой-то мужчина в потрепанном костюме, небритый.

— Ну что? — сказал он. — По рублику, сейчас третий подойдет.

У Серегина от удивления задрожали руки.

— Да как же так! — воскликнул он. — Я же невидимый.

— Ну и что, — сказал мужчина. — Рубль есть?

— Есть.

— Значит все в ажуре. Пошли.

Вначале они выпили втроем, и тот, третий, совсем успокоил Серегина, потому что сказал, что Серегина он давно заметил и всегда догадывался, какой он человек.

Потом подошел четвертый, и Серегина послали в гастронорм, он мог взять без очереди.

Серегин бежал, прижимая к себе бутылку, бежал сквозь не замечающую его толпу пешеходов.

В душе его пели свирели...

Ограбление по Фрейду

Граждане судьи!

Обращается к вам с последним словом подсудимый Мясоедов, что был вооруженным охранником, а по-другому — сторожем при малых сельповских складах в деревне Лапшиновке. Прокопом меня зовут, поэтому, если позволите, я раскрою сущность моего преступления, опираясь на современную науку и другие гипотезы.

А дело было в Покров.

Заступил я, как всегда, — с шести вечера в ночь. Замки проверил, печурку затопил, сижу в своих будуарах, о разном кумекаю. Вот, думаю, забавная штука — жизнь на других планетах. Сидит, наверное, сейчас на какой-

нибудь Альфе или Центавре вот такой же Прокоп, склады сельповские караулит. А может, и не сельповские. Может, у них и сельпа-то нет?!

Я, граждане судьи, вообще гипотезы люблю, книжки всевозможные по этому делу штудирую: свидетели уже докладывали.

Но дозвоьте вернуться к ночи, которую прокурор справедливо назвал роковой.

В первом часу, когда я уже совсем впал в свои гипотезы, вдруг слышу: кто-то меня дергает. Открываю глаза — Потапов, кладовщик наш. Стоит он передо мной в самом что ни на есть пляжном виде, а на ногах домашние тапочки. Вначале я подумал, что сплю. Поморгал немного, нет — стоит. Глаза почему-то в сторону воротит и говорит мутным голосом: «Дай-ка мне, Прокоп, ключи от склада номер четыре». Я ему: «Да что ты, Иван Иванович, в своем соображении?! В такую почную спозарань по складам шастать? Дня тебе мало?» А он одно: «Дай, Прокоп, ключи. Не вводи в грех!»

Тут я, граждане судьи, испугался. Думаю, какой бы он упырь или лунатик не был, а все-таки — начальство. Отдал я ключи.

Вернулся он минут через пять, дышит тяжело, за плечами мешок. Но взгляд уже в сторону не воротит, спокойный такой взгляд.

Отдышался и молвит: «Вот тут у меня, Прокоп, колбаса копченая и прочие надобности, об этом ни гу-гу. Завтра мы ее на мышей спишем. А пока прощай».

Я ему и говорю: «Да ведь ты у нас, Иван Иваныч, прямой расхититель сельповской собственности, подсудный человек! Не совестно тебе?» А он на меня прищурился ласково, папироской задымил и говорит: «Ответь мне, Прокоп Мясоедов, ты Фрейда читал?» Смутился я, потому как не читал этого самого Фрейда. Потапов тогда говорит: «То-то и оно. А был такой ученый старик, который нашего брата-человека во как раскусил!

По ему, по Фрейду, в каждом из нас как бы три личности живут, и все разные. Вот я, Потапов, вроде бы как один на всю деревню кладовщик. Но нет, сидят, оказывается, во мне три разных человека, и каждый свою линию гнет. Первый из них самый бессознательный, можно сказать, инстинктивный тип. Он-то на все преступления и подталкивает, неосознанно гонит меня к бессовестной, но приятной жизни, понимаешь? Неосознанно! Второй Потапов или, как любит Фрейд говорить, второе «Я», тот, значит, поумнее будет, сдерживает он во мне всякую смуту, но и сам, однако, не дурак. Подсказывает тому, первому, как лучше сделать, чтобы обоим хорошо было. Ну а третий — это вроде как совесть наша — против тех двоих всегда выступает. А теперь, Прокоп, сам подумай, каково ему одному в моем организме с ними двумя совладать. Совесть — она совесть и есть: убеждает, мол, нельзя, Иван, так — подсудное дело и прочее. А естество свое берет. Вот и получается, поднимает тебя среди ночи безответственная сила и на склады гонит. Только повторяюсь, Прокоп, ворую я *неосознанно*. Ты вот на себя внутри внимание обрати, заметишь противоречие и как борются в тебе три «Я», тоже заметишь, ибо проживают они в каждом индивиде!»

Прямо так и выразился: «В ин-ди-ви-де». После чего взял мешок и ушел.

Я, граждане судьи, не индивид никакой! Сторож я. Но после речи его присел я у печурки и подверг себя глубокому психическому анализу.

Всяко думал: осознанно и неосознанно. Дело уж к утру пошло. Долго сомневался я насчет Фрейда этого. Но где-то в пятом часу понял — прав старик. Потому, чувствую, как во мне смутное деление происходит: будто сидят уже три Прокопа Мясоедова и промеж собой беседуют. Один из них, тот, который неосознанный, говорит: «Неплохо бы колбаски старухе с дежурства при-

нести. А?» Второй голос соглашается: «Это можно, все равно Потапов завтра на мышей списывать будет». А третий, совестливый, вопит: «Да вы что, ребята, как же можно, когда нельзя?» Тогда второй ему: «Ладно ты, ангел, помолчи! Все нынче воруют, все тащат, одни мы в дураках»,— и у первого спрашивает: «Правильно я говорю?» — «Правильно, правильно! — тот кричит и командует — айда за мной к складам!»

Потом, когда я уже в складе очутился, второму-то жутковато стало, зашептал он первому: «Хватит, Прокоп-пушка, не унесешь!» Но где там!

Чего только не взял: и колбасы, и меду, и платок шерстяной. А бессознательный все долдонит: «Давай, Прокоп, мопед возьмем!»

На мопеде и погорел.

Только вывел его из склада, смотрю, навстречу Потапов с участковым движутся.

Потапов вопит: «Вот они мышки, фрейдист-рецидивист проклятый! Расхититель мопедов! Давно я тебя подозревал! Что, попался?!»

Теперь стою я перед вами, жертва реакционного фрейдовского понятия, и прикидываю: какой приговор все-таки назначите — один на троих или каждому по отдельности?

«Мусорка»

Дневник неудачника

Понедельник. Только бы не забыть! Завтра в половине пятого умереть, но находиться дома. Приезжает машина для сбора мусора. Надо отпроситься с работы.

Вторник. «Шеф» с работы отпустил. Но за это дал мне ключи от своей квартиры. В его дворе машина появляется в четыре. Мусор «шефа» погрузил. Взял такси, поехал к себе. Не успел...

Среда. Был у врача. Симулировал тропическую лихорадку. Трясся как мог. Справку вытряс. Прибежал домой, прочел во дворе объявление: «Машины сегодня не будет — заболел водитель». Вот симулянт!

Четверг. Жена сложила мусор в один чемодан, мои вещи — в другой. Велела выбирать. Выбрал первое. С работы больше не отпускают.

Пятница. Всю ночь сидел на вокзале, ждал, когда освободится место в камере хранения. Задержала милиция. Проверили фотографию на паспорте — заподозрили еще больше. Проверили чемодан — сразу отпустили.

Суббота. Новое объявление. «Сегодня машины не будет, поломалась». Съездил в гараж, узнал, в чем дело. Целый день бегал по городу, искал подшипник на сорок пять.

Воскресенье. У водителя выходной день. Я дождался ночи, отправился в парк — зарывать чемодан. Был встречен двумя давно небритыми мужчинами. Сняли часы, ботинки и костюм. Чемодан почему-то оставили.

Понедельник. В машину больше не верю. Взял отпуск и билет на самолет. Попробую избавиться от чемодана в воздухе.

Суббота. Получил посылку из Италии от некоего Бенвенуто Принелли. Чемодан узнал сразу...

Сказка о Внутренней Силе

По силе внушения гипнотизер Батарейкин был вторым в филармонии человеком. Первым был директор. Потому как всегда любил говаривать:

— Вот ты, брат, с усыпленным человеком все что хошь сделать в состоянии, а я ведь тебя, Батарейкин, уволить могу.

Стоит, бывало, маленький гипнотизер на большом ковре в директорском кабинете, такое слушает, и чувствует, как клокочет у него внутри большая сила. И говорит ему Внутренняя Сила внутренним голосом: «Эх, ты, Батарейкин! Выпустил бы ты меня, использовал бы хоть однажды во всю мощь! Показали бы мы тогда этому шантажисту директору. Сильней я директорской Внутренней Силы, потому как я у тебя от таланта и трудолюбия, а она — так себе, сплошная бюрократия».

«Не могу,— шепчет Батарейкин,— не имею права. Да и боюсь я, не совладаешь».

«Эх,— вздыхает Внутренняя Сила,— уйду я от тебя, Батарейкин. Не сработаемся мы».

«Сработаемся»,— отвечает маленький гипнотизер, а самого сомнение берет.

И вот однажды просыпается он утром и чувствует внутри пустоту необыкновенную. Ушла-таки Внутренняя Сила! А на столе записка: «Прощай и прости, если можешь».

Горевал, горевал Батарейкин, а на работу идти надо. «Как же,— думает Батарейкин,— без Внутренней Силы работать буду? Потеря трудоспособности!»

Концерт у него в тот вечер был. Вызывал раньше Батарейкин на сцену зрителей, усаживал на стулья и усыплял при помощи Своей бльшой Внутренней Силы. А потом усыпленные делали все, что он пожелает: пели, на скрипке играли, картины рисовали, хотя наяву-то

отроду таким не занимались. Интересный был номер. Вот и в тот вечер вызывает Батарейкин на сцену добровольцев, усаживает, начинает усыплять, а они не засыпают. И так напрягался, и эдак, но где там! Не вышло у него ничего. Чтобы неудачу замять, балалаечника выпустили.

На другой вечер та же история!

Слухи о потере трудоспособности дошли уж до директорского кабинета. Тогда директор сам пожелал присутствовать на концерте, дабы во всем убедиться. Как только Батарейкин об этом узнал, совсем отчаялся. Уволит, думает, как пить дать, уволит.

Народу в тот вечер собралось необыкновенно много. Работники филармонии все пришли, даже те, кто в концерте не участвовал: как же, сам директор здесь. А он своим вниманием редко жаловал, все больше из кабинета руководил.

Вышел Батарейкин на ватных ногах на сцену, поклонился зрителям и стал добровольцев приглашать.

Тишина в зале наступила невозможная. И что интересно — никто на сцену выходить не хочет.

Вдруг в директорской ложе голос знакомый:

— Позвольте мне.

— Пожалуйста,— говорит Батарейкин, а у самого спина изморозью пошла. Усадил он директора на стул, отошел шагов на пять и в глаза ему глянул:

— Внимание,— сказал Батарейкин,— вы засыпаете!

А директор уставился на него своими глазами и говорит:

— Ну что вы, Батарейкин, это вы засыпаете, вы!

И действительно, чувствует маленький гипнотизер, как туман на него насаждает какой-то, все гуще, гуще...

— Готово,— закричал директор.— Спит! Обратите внимание, товарищи, как низок профессиональный уровень некоторых наших работников. Совершенно ничего не могут, и если бы не я...

Тут Батарейкин не выдержал и закричал спящий:
— Сами вы не умеете! Развалили всю работу в филармонии! Только и знаете, что сотрудников шантажировать. Доколе будем под сенью муз бездарей терпеть?!
И такую речь загнул! В зале аплодируют, кричат: «Молодец, парень!»

Только от этих аплодисментов Батарейкин и проснулся. Проснулся и понять ничего не может. А директора уже след простыл: стыдно, видать, стало. На этом вроде бы все и кончилось? Но нет! Приходит через несколько дней приказ — назначить товарища Батарейкина директором филармонии ввиду его выдающихся способностей.

Принял бывший гипнотизер дела и сразу Силу в себе большую Внутреннюю почувствовал. Ну, думает, вернулась, милая. Почувствовал это и говорит:

— Позовите ко мне нового гипнотизера Авоськина.

Пришел новый гипнотизер, долго с ним директор беседовал, руку жал, по плечу хлопал. А потом и говорит:

— Вот ты, брат, с усыпленным человеком все, что хошь, сделать в состоянии, а я ведь тебя, Авоськин, уволить могу...

Юрий Таран

Сладкая жизнь

...Завидую Анисимовне, живет с сыном и невесткой в трехкомнатной квартире в полном достатке. В позолоченных тапочках ходит. Одна забота — за внуком глядеть. Так это только удовольствие...

Подслушано в автобусе № 8

Полторагодовалый Вовик потянулся и окончательно проснулся, когда родители уже ушли на завод, а бабушка еще умывалась. Ощувив под собой повышенную влажность, он издал тревожный клич:

— Баба, мо-о-окко!

— Бессовестное дитя! — заворчала недоумитая старуха. — Когда ты прекратишь дуть без спросу?..

И пошла застирывать пелёнки. А дитя тем временем выкарабкалось из кровати и потопало босиком к столу, на краю которого заманчиво поблескивал градусник. Через секунду кончик с той стороны, где ртуть, был откушен.

— Сплюнь, паршивец! — воскликнула подоспевшая бабушка, оттягивая внуку нижнюю губу. Тот вытолкнул изо рта комок слюны, стекла и ртути, а старуха бросилась к телефону.

— Ничего страшного, — унылым голосом ответила «скорая». — Дайте побольше теплого молочка...

За время консультации Вовик потянул шнур стоящего на подоконнике электроутюга, который упал на хвост дремавшего у батареи кота, к большому его неудовольствию. А пока бабушка сторожила вскипающее молоко, он залил чернилами оранжевого верблюда, разбил пластинку с Кобзоном и Хилем, бросил в унитаз мамину губную помаду и вырвал лист из «Малой энциклопедии»...

Старуха выругалась, проглотила анальгин и после неудачной попытки склеить Кобзона с Хилем ушла в ванную отстирывать верблюда. В это время внучек сорвал с горлышка бутылки соску и полил горячим молоком кактус. Это обошлось ему в два шлепка. Хотя шлепки были условно-символические, наказуемый издал такой пронзительный вопль, что анальгин мгновенно утратил свое обезболивающее свойство...

После завтрака и отмывания от каши Вовик снова стал сосать из бутылки. Увидев это, бабка чуть не села на пол: бутылка была не та, которая с молоком, а та, что с конторским клеем...

— Ничего страшного, — флегматично откликнулось «ноль-три». Некоторые даже сосут «бэ-эф» и заглатывают шарикоподшипники... Дайте ребенку теплого молока...

Пока бабушка оттирала от клея стол, Вовик без

спросу сделал жидкий стул, нацарапал на телевизоре абстрактные фигуры, вытащил из шифоньера белье, оторвал пять пуговиц и пытался заглотнуть наперсток...

После обеда и упорного сопротивления внучек был уложен в постель для послеобеденного отдыха и через двадцать шесть минут уснул. А бабушка, расслабленно шаркая ногами в позолоченных тапочках, двинулась на кухню завтракать. Аппетит, по правде говоря, отсутствовал, но принимать пищу было необходимо, чтобы набраться сил на вторую половину дня, которая обещала быть не менее разнообразной и насыщенной веселенькими событиями...

Упер не выходит на связь

Директор МЦИРИ (Марсианский Центр Исследования Разума Инопланетян.—Прим. переводч.) любовно погладил пористый ящичек и сказал с гордостью Бзигу:

— Это и есть наше изобретение — прибор УПЕР, то есть «универсальный переводчик». Свободно переводит с любого языка на марсианский и обратно. Успешно выдержал испытания на Альфа-Кентавре. Теперь опробуем на Земле. Завтра же оформляйте командировку и вылетайте...

Приземлив Летающую Тарелку на крышу дома со светящимися буквами «ЗАСТРАХУЙТЕСЬ В ГОССТРАХЕ», Бзиг, одетый для маскировки в серую шляпу и пальто из драпа, спустился по водосточной трубе на земную твердь, включил висящий на шее УПЕР и зашагал вдоль бульвара.

Первой встречной оказалась симпатичная землянка в оранжевом пальто.

— Простите! — вежливо произнес марсианин через «переводчика». — Позвольте проинтервьюировать вас с целью установления контакта на предмет знакомства...

— Ни-ни! — зачастила прохожая. — Запурхалась, гоню в комиссионку, там появились лапша с фонариком, сногшибательные лодочки на платформе и потрясные техасы...

— Лапша с фонариком? — повторил пораженный Бзиг, уловивший лишь отдельные слова на фоне скрежета УПЕРа. — Лодки на платформе? Кто-то потряс Техас?

— Вы что, с Луны? — хмыкнула землянка. — Свите-рок «лапша с фонариком» — последний крик после «лапши с капустой». Прелестюга — закачаешься!.. Чао!

— Сама прелестюга! — обиделся Бзиг и пошел наперерез румяному землянину:

— Извините, голубчик! Разрешите взять у вас маленькое интервью для...

— Не темни! — замигав розовыми веками, перебил голубчик. — Вчера поддавон был с брательником. Его тачку обмывали, «Запорожца». Раздавили три красных долгоиграющих. Щас в упор ни фига не усекаю. Может, поправим организмы: по рваному на двоих марганцовкой? Не поманыват? Ну, тогда хиляй, не расстраивай.

УПЕР искрился и нес ахинею. «Может, у румяного низкий интеллект?» — подумал марсианин и направился к землянину с желтым портфелем и умным тонким лицом.

— Толкач я, — представился интеллигент. — За умферами прилетел. А заводчане, кишкомоты, волынку тянут. А мне, коль порожняком вернусь, шеф шею намылит, и тринадцатая зарплата накроется. Вот и торчут как штык. А станки барахлят...

УПЕР задрожал, как испорченная стиральная машина, выдал чушь, и Бзиг выругался по-марсиански. У толкача даже челюсть отвисла, так как обратный перевод переводился четко.

«Неужели на Земле УПЕР имеет одностороннюю проводимость?» — подумал марсианин, заметив реакцию толкача на его брань, и решил сделать последнюю попытку с группой юных землян и землянок, идущих веселой стайкой навстречу.

— Я — Леха с мехфака политеха, — охотно отрекомендовался один из них. — Пылю с общаги в читалку. Завтра предстоит толкать начерталку. Причем, без шпор. Не то стипуха улыбнется... А это Вера — «экономка» из универа. У нее два хвоста. А Света из педа хромотает по античке. А у Шуры все в ажуре...

УПЕР взвыл пожарной сиреной и... взорвался. Бзиг ударил шляпой оземь, выдвинул изо лба рога-антенны, щелкнул зубом, в котором вмонтирован микрофон, и передал на Марс открытым текстом:

— ШЕФ! УПЕР В УПОР НИ ФИГА НЕ УСЕК, ЗАБАРАХЛИЛ, УЛЫБНУЛСЯ И НАКРЫЛСЯ. ПЫЛЮ ОБРАТНО, БУДУ КАК ШТЫК. ЧАО. БЗИГ.

Наука и жизнь

Все! Помучился — хватит!

Судите сами. Внешне все вроде бы благополучно и даже респектабельно. Я — кандидат наук, жена — доцент. Три комнаты в центре, пишущая машинка «Башкирия», пианино «Сибирь», телевизор «Крым», авто «Жигули» — все, как у людей. Ну, естественно, стиральная машина, соковыжималка, польский гарнитур, три турецких и два туркменских ковра, электробритва «Нева» и двое детей.

Таков фасад. Так сказать «Потемкинская деревня». А внутри что? Изжога и вспучивание живота на грани гастрита. Три года назад теща гостила. Честно говоря,

не очень коммуникабельная женщина. Но борщ варила — украинский, с перчиком, — такого с тех пор не нюхал. Жена только яйца варит. И те — вкрутую. До позеленения желтка. Иногда, честно говоря, делает суп из пакетных концентратов. Получается растворимый без осадка... И это называется — жизнь?

Но вопрос еды — это еще полбеды. А пуговицы, повисшие на волоске? А дырки на ахиллесовых пятках носков? А тараканы в письменном столе?.. Представляете, мусор некому вынести! По воскресеньям собираю в мешок и вывожу индивидуально на городскую свалку.

Поругаться с женой — и то нет возможности. У меня выходной — у нее коллоквиум. Она дома — у меня симпозиум. Если оба дома, она пыхтит над докторской, а я пишу статью, заказанную журналом «Наука и жизнь». Се ля ви! Хватит! Разошлись! Обоюдны согласны, как говорил Аркадий Исаакович. Отдал ей «Сибирь», «Башкирию», «Крым» и всю прилегающую территорию, то есть квартиру с детьми, коврами и гарнитурами. Сам, взяв «Неву», «Жигули», переехал в комнату приятеля, убывшего на год в Сомали.

Но — без женщин жить нельзя на свете, нет. Решил искать невесту. Попроще, без комплексов, умела бы стирать, пельмени стряпать и пуговицы пришивать.

Однако знакомые холостячки все с учеными степенями или готовы защищаться. А на улице или даже в театре с моим положением и животом знакомиться неудобно. Один выход: затягиваю талию эластичным бинтом и иду во Дворец культуры на элементарный вечер танцев. Приглашаю молодую брюнетку и сразу начинаю прощупывать почву. Но, оказывается, она химик, студентка-вечерница, и варить умеет только ангидрид триэталаномина с антикоррозийной присадкой.

— Зато, — обнадеживает она, — мой дедушка умеет готовить флотский борщ, а бабуся — пирог с океанской рыбой.

Такой вариант меня не вдохновил: иждивенцев много.

Вторая кандидатка в жены, рыжая симпатяга с огромным бюстом сама отвергла меня, познакомившись с моими анкетными данными:

— Мне не чин ученый надоть, а друг, товарищ и мужик. А ты вить мозги засушишь. Не поманивает меня на неравный брак, хочь готовить я способная...

Третья невеста очень привязалась ко мне, шеф-поваром в ресторане работает. И все-таки некоторые мелочи мне не понравились: на четырнадцать лет старше меня и вставная челюсть. Еле оторвался от нее и в стрессовом состоянии бросился к телефону-автомату. Жена ответила сразу. Голос был грустноватый и одинокий.

— И тебя никто замуж не берет? — вздохнул я. — Ну, повернись хоть вполоборота к быту, и я готов воссоединиться.

— Быту не быть! — сухо ответила она. — Я докторскую защитила и сейчас пишу книгу по заказу Академии Наук. Но вчера пришло письмо от мамы, она на днях выходит на пенсию...

— Ее только нам и не хватает! — воскликнул я. — Нет-нет! Я серьезно говорю, что именно ее нам и не хватает! Пусть побыстрее приезжает...

Понарошку — гости

— А теперь поиграйте, дети, минуточку сами, — сказала воспитательница. — Я отлучусь...

Дело было в понедельник, и Вовик, естественно, предложил играть в гостей. Расставили на столе пластмассовые чашечки с водой, разложили резиновую зай-

чатину, синтетическую поросятину и деревянные грибки.

— Предлагаю тост за Зою Павловну,— застенчиво сказал Игорек и пододвинул к себе капронового барашка. Гости заулыбались, недружно чокнулись, выпили воду (мальчики всю залпом, девочки по глотку) и притихли, ожидая новых указаний. Только Нюра не притронулась к чашке, заявив, что белую не пьет. Тогда Вовик выдавил ей в чашку апельсин:

— Теперь это у тебя пиво. Оно хотя и противное, но полезное, папа говорил.

— А я люблю, когда всамделишные гости приходят,— заявила Ира. — Тогда родители все-все разрешают и шоколад дают, чтоб не выходила к гостям.

— А Петровы, как припрутся,— вспомнила Дуня,— так их до часу ночи не выпроводишь. Пока все не осушат и холодильник не опустошат — нипочем не уйдут.

— А что теперь делать? — спросил Петя, не уловивший сути сценария, так как с приходом гостей его всегда отвозили на такси к бабушке и дедушке... — Может, в пятнашки сыграем или в считалочки?..

— Чудак! — снисходительно ухмыльнулся Вовик. — Гости танцуют и в карты режутся... А ты куда, Никита?

Никита покраснел и прошипел что-то тамаде в ухо.

— Ладно, иди,— великодушно разрешил Вовик. — Понарошке ты перепил, и тебе стало нехорошо.

— Закусывайте, дорогие гости! — напонила Дуня. — А то все пропадет...

Затем решили спеть. Слов предложенной Вовой песни «Сбежал бродяга с Сахалина» никто не знал, потому затагнули «Оранжевую песенку» и «Из чего же, из чего же сделаны наши мальчишки...» Постепенно в игру втянулись все.

Митя, взяв за бретельки Петю, допытывался: «Ты меня уважаешь, старик?» Игорь играл с Ирой в «бутылочку». Никита тихо всхлипывал, жалуясь, что мама

не разрешает пить сырую воду. Витя по-всамделишному уснул, подложив под ухо надувную утку. Вадик и Ада дрыгали коленями, имитируя твист.

— Долго вы отлучаетесь,— ехидно сказала тамада вошедший Зое Павловне.— Вам штрафная! — и протянул цветочную вазу, наполненную до краев...

Презумпция неверблюдности

— Папа, а что такое «презумпция невиновности»? — спросил утром Шурик.

— Мм... Ну, если популярно, то... В общем, человек не обязан доказывать, что он не верблюд,— торопливо пояснил Глеб Глыбов, уходя на работу.

...— Проездной! — воскликнул он, впрыгнув в автобус. Но мрачная кондукторша вскинула столь подозрительный взгляд, что пришлось зажать промеж коленей портфель, извлечь из глубинного кармана постоянный билет и демонстративно помахать им над головой.

В отделе Глеб столкнулся с шефом. Тот мельком взглянул на часы.

— Я не опоздал! — торопливо сказал Глеб.— Я в лабораторию за анализом заходил.— И демонстративно помахал бланками лабораторных заключений.

...Вечером вахтер на проходной так забуравил Глыбова выпуклыми глазами, что пришлось распахнуть плащ и показать, что под ним нет мешка с дефицитными деталями, что это просто живот такой рельефный...

Затем Глеб вспомнил, что жена дала три рубля на колбасу... Выходя из отдела самообслуживания, он наткнулся на такой колючедетективный взор кассирши, что руки сами раскрыли и потрясли портфель, показав, что, кроме колбасы, ничего не имеется.

...— А сдачу выложил? — кротко поинтересовалась жена, и Глыбов уже машинально, без обиды вывернул все карманы и расстегнул все пуговицы.

...— А ноги помыл? — зевнув, спросила жена, когда Глеб забрался в постель.

Глыбов дернулся, откинул одеяло, вскинул лимонные пятки и помахал ими над головой, демонстрируя свежесть...

А ночью ему приснился очень горбатый, облезлый и кроткий верблюд.

Хамообслуживание

— Сдал бы бутылки и банки, — сказала Федору Бочкину жена. — Рублей на пять уже накопилось...

Федя взглянул на часы, — до хоккейного телерепортажа оставался час — и, подхватив рюкзак со стеклотарой, поспешил в пункт сдачи-приемки...

На двери пункта, несмотря на рабочие часы, висел ржавый замок. Но рядом на гвозде болтался кусок картона с утешительной надписью «Сичас буду». Судя по ветхости картонки, объявление было постоянно действующим.

Но не прошло и полчаса, как явился приемщик, полнолицый дядя с припухшими глазами. Обдав клиентов крепленным запахом, он зашел за барьер и там долго лизал пальцы, считая казначейские билеты и звонкую мелочь.

Когда подошла очередь Бочкина, приемщик поглядел щелками глаз на Федин рюкзак и после долгой паузы удивленно прошептал:

— Ты че? В первый раз? Ящики за тем углом. Волоки, расставляй и подавай. Да шибче? Вишь, сколько людей за собой задерживаешь!..

— Самообслуживание! — понимающе кивнул Федя и поспешил за тот угол.

Когда он снова предстал перед постаментом приемщика, тот вдруг затрясся от беззвучного смеха (глаза окончательно слиплись) и сказал с укором:

— Ящик не тот. Надо с ячейками. И чтоб горлышки на одной линии. Высокие не возьму. Подсолнечные тоже. Импортные тем более. На молочные тары нет.

Федя похрустел челюстями, вывалил в угол отклоненную посуду, откалибровал и переупаковал оставшуюся... После третьего подхода ему было дозволено оттащить свой загруженный ящик в глубь хранилища. После чего приемщик побренчал на счетах и почти добродушно произнес:

— Тебе, значит, полагается аж три рубли.

— А по-моему, четыре,— прикинул клиент.

— Будь по-твоему, три рубли и четыре копейки,— уступил приемщик.— Клиент всегда прав... Но у меня мелочи нету. Пойди рубль разменяй в киоске...

— Я не обязан!.. Я буду жаловаться! — раскаляя себя, пригрозил Бочкин.

— Человек с пустыми бутылками не имеет права жалиться,— философски заметил хозяин пункта.— Тут тебе не ателье по пошиву одежды или какая другая сфера услуги... Ежели каждый забулдыжник начнет жалиться...

— Я не забулдыжник! — нервно воскликнул Федя.— У меня бутылки из-под сидра и пива... Посмотрите, одна только от рислинга... Ладно, сейчас разменяю.

Через минуту Федя вернулся от табачного киоска, расположенного через дорогу, и... окаменел. На двери пункта висел ржавый замок. А рядом болталась постоянно действующая утешительная картонка «Сичас буду»...

Не могу молчать

Сунув голову в кабину водителя, я продолжал:

— Или вот у тебя написано «Автобус работает без кондуктора...» Почему «кондукто...»? Буквы, скажешь, стерлись? Так надо восстановить!..

Водитель, покраснев, хрипит в микрофон:

— Граждане, оплачивайте за проезд!

Меня аж затрясло:

— Зачем «за»? Просто: «Оплачивайте проезд»...

Шофер краснеет гуще, вздыхает и спрашивает:

— Все вышли?

Я иронически хмыкаю и поддеваю его:

— Все выйдут на конечной остановке. А здесь — те, кому это нужно.

Водитель начинает тяжело дышать. Но я молчать не могу. Молчалников у нас и без меня хватает.

— Вот, — говорю, — написали: «Совесть пассажира лучший контролер». А где тире?

Тут шофер выпучился на меня помутневшими глазами и стал выкрикивать какой-то безграмотный набор выражений. И оборвался на полуслове, так как в этот миг наш автобус врезался в водонапорную башню. Я по инерции стукнулся лбом в перегородку, где написано: «Не отвлекай водителя на ходу!»

«А ведь написано безгра...» — успел подумать я, теряя созна...

Зинаида Чигарева

Его знакомая русалка

Антинаучно-фантастический рассказ

Они познакомились в кафе «Русалка».

Она была великолепна! Узкий свитерок цвета морской волны и брюки клеш из неизвестной ему чешуйчатой ткани подчеркивали стройность ее фигуры. Распущенные волосы отливали легкой прозеленью. В тени густых ресниц таились бездонные омуты.

— Хэлло, детка! — вынырнул он из-за ее плеча. — Скучаешь?

Незнакомка взглянула на него так, словно плеснула из ковшика ледяной водой. Он невольно поежился, но решил не сдаваться:

— Будем знакомы: Шурик.

— Ундина *, — улыбнулась она кончиками губ и положила на его ладонь узкую прохладную руку.

Синевато-сизая дымка наполняла до краев стеклянные стены кафе, усиливая его сходство с огромным аквариумом, где, как рыбы в воде, плавали танцующие пары и замедленно скользили похожие на морских коньков официанты.

— Спляшем? — он кивнул небрежно в сторону танцующих.

— А почему бы и нет? — подняла тонкую бровь Ундина.

Танцевала она бесподобно. Такой гибкой, ускользающей партнерши он еще не встречал ни разу на своем богатом знакомствами жизненном пути.

— Ты кто? — поинтересовался он: всегда надо знать, с кем имеешь дело — с учительницей пения или тренером по самбо. — Где вкалываешь? Или так?

Она улыбнулась и прикрыла бирюзовыми веками свои невыносимые глаза.

— Русалка я, — сказала просто, скучающим даже тоном, как будто у нее была самая заурядная профессия вроде кондуктора в автобусе или инженера по холодильным установкам.

«Во заливает! — не без зависти подумал он. — С такой не заскучаешь». И вдруг обиделся. Что она, право, его за пацана принимает, сказочки рассказывает? Может, ему тоже хочется выдать себя за ансамбль «Песняры» или хотя бы за Аркадия Райкина. Но надо же знать меру!

— Ну и как? — спросил он как бы между прочим. — Ничего работенка?

— Жить можно.

— И много зашибаешь?

---

* Означает то же, что и «русалка», только по иностранному.

— Когда как. У нас сдельно платят. С души.

— Ясно.

Он галантно проводил свою партнершу к столику.

— Душно здесь.— Ундина достала из сумочки тончайший платочек.— Воды хочу... Прохладной и чтобы со звездой...

— Со звездой? — протянул он.— Понятно. Хоть с тремя.

Ничего себе рыбонька. Видали? Подавай ей коньяк? А хорош бы он был, ежели б не выудил у мамыши десятку.

Официант принес маленький графинчик с золотистой жидкостью и тарелочку с прозрачными ломтиками сыра. Новый фокус! От коньяка она отказалась наотрез. Пришлось пропустить двойную порцию за ее здоровье.

— Мне пора,— Ундина встала и взяла сумочку.— Проводишь?

— Провожу. Куда хочешь! Хоть на тот свет.

— Вот именно,— без тени улыбки подтвердила она.— Заодно увидишь и воду со звездой. Хочешь?

После коньяка он был готов на все.

Они вышли на улицу. Огненные круги фонарей, качиваясь, уплывали в лиловую полутьму. Он хотел, как водится, положить руку на ее плечо, но рука, не найдя опоры, упала вниз. Тогда он попытался обнять ее за талию — пальцы только скользнули по холодному упругому шелку.

— Но, но! — обиделся он.— Ты не очень-то. Подумаешь, русалка! Видали мы не таких русалок. Тоже мне Марчелла Мastroяни!

— Не надо волноваться, малыш. Мы пришли.

Они, оказывается, уже стояли у самой воды. В темном зеркале реки отражались редкие звезды. Но вели они себя совсем не так, как положено вести себя приличным небесным светилам: то ныряли в глубину, то вновь вспыхивали на поверхности реки, то принимались

гоняться друг за другом, как расшалившиеся мальчишки.

— Ишь вы! — он погрозил пальцем, и звезды при-
смирели.

Рядом тихонько засмеялась Ундина.

— Ты чего?

— Ничего. Спасибо, что проводил. Я дома.

— Дома? — он оглядел окрестности: поблизости не было ничего похожего на человеческое жильё.

— Но я же русалка, — ответила Ундина, прочитав его мысли. — И прости, тороплюсь. Дела.

— Как?.. Куда ты? погоди... Мы ж и не подружи-
ли вовсе. Дела, они не волк...

Она вздохнула:

— Нельзя, лапонька. Командировка кончилась. А у нас на этот счет строго.

Ундина подняла плоский камешек и, наклонившись, метнула. Камешек заскользил по воде, как по льду, и почти на середине реки с коротким всхлипом пошел ко дну.

— Чао, малыш! — Она тронула прозрачным пальчиком его дремучие кудри и... прямо как была — в своих брюках клеш, синем свитере и с модной сумочкой — рыбкой нырнула в глубину. Едва заметные круги разбежались по воде — и будто бы ее и не бывало.

Он неосторожно сел на какой-то не очень удобный предмет, кажется, на осколок бутылки.

Вот и все! И вся любовь, как говорится.

С тех пор парня словно подменили. Перестал заводить знакомства с девчонками, пристрастился к литературе — все изучает научные труды о русалках — от древнегреческих мифов о дочерях Посейдона до Ганса Христиана Андерсена и братьев Стругацких. Ночами

бродит возле реки — ждет, бедняга, а вдруг его знакомую русалку опять пошлют в командировку на сушу.

А то кафе, где они встретились, дабы не способствовать распространению вредных суеверий и предрассудков, срочно переименовали из «Русалки» в «Акваланистку».

Содержание

..... Борис Ласкин	Минутку внимания	3
А . . . . . Борис Антонов	Аналитик	5
	Звоните 03	7
	Слово — олово	9
	Дверь	11
	Рацпредложение	12
	Эволюция	15
Б . . . . . Арнольд Бродский	К вопросу об акселерации . .	17
В		
Г . . . . . Виктор Гюнтер	Назидательные новеллы	
	Взаимопонимание	20
	Доверчивость	22
	Предвиденье	23
	Скрытые возможности	24
	Непонимание	25
		123

Д		
Е	<i>Геннадий Емельянов</i>	Подагра Карла Великого . . . . . 28 Как делать верблюдов 31
Ж		
З	<i>Александр Зайцев</i>	О любви не говори... . . . . . 35 Сушеные хомуты . . . . . 37 Родные 39
И		
Й		
К	<i>Виталий Курков</i>	С к а з о ч к и Медвежья услуга . . . . . 41 Тросточка . . . . . 43 Отчетный период . . . . . 45 Р О Т 45
Л		
М		
Н	<i>Гарий Немченко</i>	Совпадение . . . . . 47 Где медведю зимовать . . . . . 50 Таракашка 53
О	<i>Олег Павловский</i>	Не до смеха 56
П	<i>Анатолий Паршинцев</i>	Встреча 59

	Срочный заказ	60
	На какой я должности? . . .	62
. . . . . <i>Василий Пухначев</i>	Из сибирских бывальщин	
	Как попа побороли	65
	Без понятия	67
	Сколько верст-то было?	68
<i>Р</i>		
<i>С</i> . . . . . <i>Николай Самохин</i>	Зовите следующего...	70
	Особые приметы	74
	Хулиган	77
	Фиаско	78
	Повесть о том, как один генерал двух мужиков не смог прокормить	81
	Железная рука	89
. . . . . <i>Юрий Соломонов</i>	Вот змий!	92
	Живут же люди!	93
	Закон Архимеда	93
	Однажды...	94
	Невидимый миру Серегин . . .	94
	Ограбление по Фрейду	98
	«Мусорка»	101
	Сказка о Внутренней Силе .	103
<i>Т</i> . . . . . <i>Юрий Таран</i>	Сладкая жизнь	106

УПЕР не выходит на связь	108
Наука и жизнь	110
Понарошку — гости	112
Презумпция неверблюдности.	114
Хамообслуживание	115
Не могу молчать	117
У	
Ф	
Х	
Ц	
Ч . . . . . <i>Зинаида Чигарева</i> Его знакомая русалка	118

Ж-66 «Живут же люди!» Сатирические и юмористические рассказы, миниатюры, фельетоны, бывальщины. Составитель Б. С. Антонов. Художник Б. В. Тржемецкий. Кемеровское книжное издательство, Кемерово, 1978.

128 стр., 30000 экз., 35 коп.

В сборнике представлены сатирические и юмористические произведения тринадцати прозаиков. Не все они сибиряки по рождению, но многие из них впервые пробуют свои силы в этом жанре на сибирской, кузбасской земле. «Мне кажется, он хорошо и точно назван: «Живут же люди!» В этой формуле достаточно ясно выражено критическое отношение авторов к своим персонажам. Меня обрадовало разнообразие тем, современность и узнаваемость действующих лиц — героев подлинных и мнимых», — так пишет в своем напутственном слове к книжке известный советский сатирик Борис Ласкин.

Ж $\frac{70302-10}{M145(03)-78}$ 21-78

ИБ № 3111

Коллектив авторов

«ЖИВУТ ЖЕ ЛЮДИ!»

Сатирические
и юмористические
рассказы,
миниатюры,
фельетоны, бивальщины.

Редактор *Л. В. Глебова*
Художественный редактор *А. С. Ротовский*
Технический редактор *Г. В. Адова*
Корректор *Е. И. Тимощук.*

Сдано в набор 24.X.1977 г. Подписано к печати
24.II.1978 г. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типограф-
ская № 1. ОП 00005. Усл. печ. л. 5,6. Уч.-изд. л.
4,92. Тираж 30 000 экз. Заказ № 10622. Цена 35
коп. Кемеровское книжное издательство. Кемерово,
Ноградская, 5. Типография издательства «Омская
правда», Омск, проспект Маркса, 39.
Омск, Проспект Маркса, 39.

35 коп.

КЕМЕРОВО
1978